

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №23 продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. чет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковои.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1938 г. II-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18-го Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: Выборы въ Театральномъ Обществѣ.—Слухи о новомъ театрѣ.—Письмо драматическаго писателя.—Заколдованный кругъ В. Тихонова.—Возобновленіе «Корделии» Влад. Чистова.—Хроника театра и искусства.—Стихотвореніе Д. Рамгауза.—Открытіе московскаго общедоступнаго театра.—Новыя пьесы К. Фоломьева и Н. пов.—Къ постановкѣ трагедіи «Царь Θεодоръ Іоанновичъ» М.

№ 42.

Южнаго и Н. пов.—Мое свадебное путешествіе И. Гриневской.—Ламайскій театр.—За-границей.—Провинціальная лѣтопись.—Репертуаръ.—Объявленія.—Рисунки: Квартетный концертъ.—«Царь Θεодоръ»—(7 рис.). Пювись де-Шаваннь. Портреты: А. К. Толстого и г-жи Барети.

Литературно-драматическій отдѣлъ. Последній гость», съ нѣмец. Я. Дельера.

Принимается полугодовая подписка на 1898 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна на полгода (съ 1 іюля) со всѣми
приложеніями 4 р.

На годъ 6 р.

С.-Петербургъ, 18-го октября.

Въ настоящую минуту результаты выборовъ на должность председателя Совѣта Русскаго Театральнаго Общества уже извѣстны. Едва-ли можно было сомнѣваться въ результатахъ. Но какъ курьезъ, нельзя не отмѣтить, что наканунѣ выборовъ ходили весьма странные слухи, что въ председатели общества мѣтитъ г. Кремлевъ, исчислявающій «многочисленную партію».

Мы надѣемся—въ настоящую минуту надежды, уже получили осуществленіе—что такой случай совершенно невозможенъ. Но одна мысль о томъ, что такая странная кандидатура въ испанскіе короли могла зародиться въ чьей нибудь головѣ, да еще найти «многочисленную» будто-бы, партію, повергаетъ насъ, говоря откровенно, въ большое уныніе. Нѣтъ, очевидно, русскіе сценическіе дѣятели далеки отъ гражданской зрѣлости, и всѣ прекрасныя мечтанія, которыя одушевляли въ послѣднее время служителей сцены, приходятъ отбросить. Гдѣ ужъ тутъ? Напишите: «г. Кремлевъ кандидатъ въ председатели совѣта общества», и вы увидите, что все, и проскты, и интересы, и

корпоративная связь, и профессиональныя задачи—начинаетъ казаться пустою дѣтскою игрушкою...

Если бы такой невѣроятный казусъ могъ случиться, то разумѣется, Театральное Общество немедленно покинули бы всѣ, наиболѣе значительные и серьезные его члены. Но это не могло случиться... Избраннымъ почти единогласно оказался В. С. Кривенко.

Намъ передаютъ интересную новость. По слухамъ, требующимъ подтвержденія, Таврическій дворецъ рѣшено къ будущему году перестроить въ театръ и сообщить ему характеръ «Новаго» Императорскаго театра въ Москвѣ, т. е. давать на сценѣ этого театра спектакли «театральной молодежи». О желательности такого театра въ Петербургѣ упоминалось на юбилейномъ обѣдѣ воспитанниковъ Драматическихъ классовъ въ рѣчи г. Давыдова. Будемъ надѣяться, что слухъ эгого имѣетъ за собой серьезныя основанія. Въ настоящее время, въ этомъ зданіи хранятся старыя декорации. Быть можетъ, удастся, вмѣсто старыхъ декораций, сохранить новыя таланты, изнывающіе въ бездѣйствіи.

Желательно лишь, чтобы Новый театръ былъ не только новымъ по составу исполнителей, но и новымъ по типу и характеру. Простое подражаніе существующимъ казеннымъ сценамъ добра особеннаго не дастъ. Слѣдовало бы соединить общепольное съ продолженіемъ школы, сообщить новому театру характеръ общедоступнаго, понизить цѣны и приблизить къ народному..

Еще одно письмо по поводу порядковъ общества драматическихъ писателей.

«По поводу случая съ однимъ изъ авторовъ, получившимъ гонораръ за оригинальную пьесу, какъ

за переводную,—я вспомнилъ, какъ со мной случилось тоже самое. На мой запросъ: нельзя ли, «дополучить»?—я получилъ тотъ же, должно быть, ставшій формой, отвѣтъ: «деньги, *неправильно* удержанныя, не возвращаются, а на будущее время...

Мы будемъ васъ имѣть въ виду!.. какъ поется въ старинномъ куплетѣ.

Еще нѣсколько словъ на счетъ «секретарскихъ» расходовъ.

По словамъ одного изъ авторовъ, бесѣдовавшаго съ секретаремъ,—мысль о нѣкоторомъ сокращеніи «канцелярскихъ суммъ» достаточно, повидимому, созрѣла, и едва ли полученіе вмѣсто $7\frac{1}{2}\%$ только 5% , вмѣсто 12 тысячъ—8—9,000 р., встрѣтитъ препятствіе. И то хорошо. Только надо, чтобы заблаговременно, т. е., согласно § 36 устава,—не позднее 1-го февраля 1899 года, было внесено въ Комитетъ Общества возможно большее число заявленій на этотъ счетъ со стороны какъ дѣйствительныхъ, такъ и не дѣйствительныхъ членовъ.

Таковыхъ въ Петербургѣ не мало и, не состоя въ такой зависимости отъ нѣкоторыхъ вліяній, какъ ихъ московскіе собратья, они могутъ, наконецъ, двинуть впередъ этотъ крыловскій возъ. А, по дорогѣ, не мѣшаетъ возбудить вопросъ и о вознагражденіи казначею. Выражается оно $2\frac{1}{2}\%$ процентами, что выйдетъ больше 4,000 р. при настоящихъ оборотахъ Общества. Всякій пойметъ, что и половины за глаза довольно, такъ какъ цѣлое казначейство въ небольшомъ уѣздномъ городѣ стоитъ не дороже; а проходя черезъ него суммы въ десять разъ больше, чѣмъ тѣ, съ которыми имѣетъ дѣло казначей Общества».

Заколдованный кругъ.

(Изъ замѣтокъ о циркѣ).

I.

На дняхъ мнѣ пришлось прочитать въ одной изъ газетъ, что въ Москвѣ или въ Петербургѣ, уже не помню гдѣ, возникаетъ новое общество помощи артистамъ цирковъ. Въ замѣткѣ не упоминалось какихъ цирковъ и какими артистамъ, т. е. русскимъ или иностраннымъ. Полагаю, что авторъ этой замѣтки имѣлъ въ виду русскихъ артистовъ, потому что объ иностранныхъ намъ особенно беспокоиться нечего. Замѣтка эта сопровождалась теплыми словами, что, дескать, давно пора позаботиться объ участи бѣдныхъ тружениковъ, и эти слова привели меня въ новое недоумѣніе: кому давно пора позаботиться? Если предполагается учредить общество взаимопомощи, то стало быть, они сами о себѣ позаботятся; если же имѣется въ виду благотворительное общество вспомоществованія бѣднымъ артистамъ цирка, то интересно знать: кто по-

займется объ нихъ? Публика? Какая публика? Цирковую публику мы хорошо знаемъ. Это или habitués, посѣтители первыхъ рядовъ, представители той части нашего общества, которое менѣ всего способно на какое нибудь доброе дѣло, или это случайно попавшіе въ циркъ люди, не имѣющіе съ циркомъ никакой связи и даже интереса, кромѣ сегодншняго представленія.

Конечно, подобное общество можетъ возникнуть, какъ капризъ нѣсколькихъ богатыхъ и праздныхъ людей, можетъ на нѣкоторое время сдѣлаться даже моднымъ, по какъ каждый капризъ, какъ каждая мода оно будетъ эфемернымъ, слѣдовательно отнюдь не долговѣчнымъ. Увлеченіе циркомъ ни для кого не длится долго. Пока молодъ человѣкъ, пока онъ вращается въ извѣстномъ кругу праздношатающихся, онъ еще можетъ увлекаться циркомъ и его артистами, но съ возрастомъ это увлеченіе проходитъ и циркъ забывается. Да и слава Богу! Печально было бы видѣть пожилого человѣка въ качествѣ habitués какого-нибудь цирка, а если и попадаютъ такіе старцы, то объ нихъ и говорить нечего. Они не только смѣшны, какъ лысые старенькіе балетоманы, но они и жалки даже. Для балетомановъ есть хоть приличная атмосфера въ зрительной залѣ, дышать же запахомъ конского навоза до сѣдыхъ волосъ найдется немного охотниковъ.

Однимъ словомъ, я утверждаю, что цирковая публика не въ состояніи создать общество, которое бы заботилось о бѣдныхъ и больныхъ артистахъ цирка. Кто же объ нихъ позаботится?

Сами они о себѣ позаботиться никоимъ образомъ не могутъ, во-первыхъ, потому, что русскихъ артистовъ очень немного; во-вторыхъ, между ними нѣтъ никакой солидарности, нигдѣ, какъ въ циркѣ не развита такъ конкуренція, а вслѣдствіе этого, зависть и недоброжелательство, такъ что ни о какой взаимопомощи тутъ рѣчи быть не можетъ. Да и наконецъ, артисты цирка вполне интернациональны. Это совершенно особый міръ и дѣлить ихъ можно только развѣ по подданству, а подобное дѣленіе будетъ чрезвычайно искусственнымъ. Я знаю артистовъ цирка итальянскихъ подданныхъ, носящихъ итальянскія фамиліи, но родившихся въ Россіи и никогда изъ нея не выѣзжавшихъ. Я знаю клоуна русскаго подданнаго Петрова, ни одного слова не понимающаго по-русски и считающаго себя кореннымъ нѣмцемъ. Масса артистовъ, русскихъ по происхожденію, присвоили себѣ иностранныя фамиліи. Міръ цирковыхъ артистовъ—это совсѣмъ особый міръ, не имѣющій ни малѣйшаго сродства съ какимъ бы то ни было другимъ артистическимъ міромъ. Да и притомъ, вопросъ: можно ли артистовъ цирка называть „артистами“ въ строгомъ смыслѣ этого слова? Вѣдь для артиста во всякой другой отрасли искусства требуется прежде всего—талантъ, тогда какъ для артистовъ цирка талантъ отнюдь не требуется, исключая, впрочемъ, однихъ только клоуновъ, которые болѣе или менѣе приближаются къ дѣлателямъ театра. Для всѣхъ же прочихъ артистовъ цирка необходимо то, что на ихъ своеобразномъ жаргонѣ называется „куражъ“ (courage).

Куражъ—это нѣчто, составленное изъ *рѣшимости* и *уверенности*. Но это, строго говоря, не храбрость. Храбрый человѣкъ можетъ пойти на обумъ, артистъ цирка рѣшается „работать“ только тогда, когда онъ увѣренъ въ приспособленіяхъ, въ инструментахъ, съ которыми онъ работалъ. Наѣздивъ не выйдеть на арену, если діаметръ этой арены больше или меньше установленной развѣ па всегда мѣры. Все у нихъ вывѣрено, вымѣрено и вывѣшено. Всякое движеніе достигнуто упорнымъ и тяжелымъ

трудомъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи ни о вдохновеніи, ни о талантѣ, тутъ все—courage!

Правда, эти труженики арены достигаютъ иногда необычайныхъ результатовъ. Они продѣлываютъ самыя головоломныя куштыки на трапеціяхъ; жонглируютъ семью-восемью предметами: дѣлаютъ всевозможныя „сальтомортале“, „кюльбиты“, „каскады“; скачутъ едва спдя на крупнѣ лошади, но вся ихъ дѣятельность глубоко бесполезна была по достоинству оцѣнена еще Александромъ Македонскимъ. Существуетъ разсказъ, что Александру Македонскому представили замѣчательнаго человѣка, можно сказать, феноменальнаго, дошедшаго до удивительной виртуозности. Онъ бралъ пригоршню гороху и бросая горошину за горошинкой, тридцать разъ подрядъ насаживалъ эти горошинки на острію иголки, укрѣпленной въ болѣе или менѣе значительномъ отъ него разстояніи. Долго и съ удивленіемъ смотрѣлъ на него Александръ Македонскій и, наконецъ, спросилъ, легко ли тому досталось такое выходящее изъ ряду вонъ искусство? „О, нѣтъ“, отвѣчалъ жонглеръ, „двадцать лѣтъ подрядъ, ежедневно упражняюсь я въ метаніи горошинъ и только вотъ въ настоящее время добился того, что изъ тридцати разъ не дѣлаю ни одного промаха“. Александръ Македонскій подумалъ-подумалъ и велѣлъ выдать этому артисту въ награду... мѣшокъ гороху.

Чрезвычайно умная оцѣнка глупаго труда. Да, дѣйствительно и „благородный трудъ“ можетъ быть иногда чрезвычайно глупымъ и видѣ мы не видимъ столько проявленій этого глупаго труда, какъ на аренахъ цирка. Но этого мало: тамъ онъ очень часто бываетъ не только глупъ, но и вреденъ. Всевозможные люди—„каучуки“, „клишники“; работающіе, такъ называемое „копфштейнъ“, т. е. стоящіе на головѣ; дѣти, участвующія въ „иккарійскихъ играхъ“, работаютъ несомнѣнно за счетъ своего здоровья. Одна половина программы цирковыхъ упражненій глупа и вредна, другая—просто глупа, а иногда глупа и безнравственна.

Вообще циркъ—явленіе чрезвычайно печальное и какъ таковое, конечно, не можетъ вызывать вичьего сочувствія. Циркъ,—просто зрѣлище, не воспитывающее ни одной изъ добрыхъ или прекрасныхъ сторонъ человѣческой души и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сейчасъ находится, не заслуживаетъ никакого поощренія для дальнѣйшаго его процвѣтанія; а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и дѣятели его не могутъ рассчитывать ни на чью помощь, ни на чью благотворительную поддержку. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что они дурные люди. Отнюдь нѣтъ. Между ними попадаетъ не мало и порядочныхъ, и даже нравственныхъ людей, во дѣятельность ихъ почти всегда глупа или безнравственна, а чаще всего и то, и другое вмѣстѣ. Это несчастные люди, жалкіе люди, которымъ почти всегда въ концѣ ихъ недолголѣтней карьеры, грозитъ бѣдность, очень часто нищета и еще чаще болѣзни. И, тѣмъ не менѣе, какъ это можетъ быть и имъ покажется жестокимъ, покровительство имъ отнюдь не явится гуманнымъ дѣломъ, потому что такое покровительство въ будущемъ соблазнитъ многихъ и они съ меньшей осмотрительностью будутъ посвящать себя цирковой дѣятельности.

Мнѣ могутъ указать на дѣтей, которыхъ, конечно, не по своей волѣ попадаютъ на арену и въ самый короткий срокъ, какъ напримѣръ, дѣти, участвующія въ „иккарійскихъ играхъ“, дѣлаются безпомощными калѣкамъ и ваполняютъ ряды нищихъ. Нельзя не отнестись безъ глубокаго сожалѣнія къ этимъ несчастнымъ ребятишкамъ; нельзя не придти къ нимъ на помощь. Совершенно вѣрно, во на помощь къ нимъ слѣдуетъ придти ранѣе того, чѣмъ они бу-

дутъ искалѣчены... Если ужъ никакимъ образомъ нельзя добиться запрещенія калѣченія дѣтей въ циркахъ, то можно принять всѣ мѣры, ограждающія дѣтей отъ цирковыхъ профессоровъ. Вѣдь существуетъ же „Общество охраны дѣтей отъ жестокаго обращенія“, отчего же не возникнуть „обществу охраны дѣтей отъ поступленія въ циркъ“.

Но основаніе „общества призрѣнія дѣтей, искалѣченныхъ циркомъ“, звучало бы горькой насмѣшкой.

Выше я сказалъ, что пѣзъ всѣхъ дѣятелей цирка только клоуны приближаются нѣсколько къ дѣтелямъ сцены и могутъ, какъ будто, претендовать на званіе артистовъ, но это именно, только „какъ будто“ и именно потому, что въ ихъ дѣятельности играетъ роль уже не *куражъ*, а талантъ, а иногда даже и вдохновеніе. Но пока они на аренѣ цирка, они отнюдь не артисты, а только *клоуны*. Клоуны дѣлятся на нѣсколько разрядовъ: есть „соло-клоуны“, есть „клоуны-репризы“, есть, такъ называемые, „Августы“, „Рыжіе“ и наконецъ, есть „музыкальные клоуны“.

Я знаю одного клоуна, именно „Рыжаго Брыкина“, человѣка одареннаго серьезнымъ и большимъ комическимъ талантомъ. Каждый разъ, когда я его видѣлъ на аренѣ, мнѣ становилось всегда больно, что это серьезное дарованіе тратится возлѣ лошадиныхъ хвостовъ. Каждое его слово, его мимика, его жестъ заставляли жалѣть, что подобный талантъ не на настоящей сценѣ и до тѣхъ поръ, пока мѣстъ этотъ клоунъ будетъ „работать“ на аренѣ цирка, онъ не можетъ претендовать ни на званіе артиста, ни на участіе въ своей судьбѣ со стороны Общества, вѣдающаго пособіями артистамъ.

Въ числѣ музыкальных клоуновъ попадаютъ люди съ недюжинными музыкальными способностями, но нельзя же ~~ихъ~~ въ самомъ дѣлѣ назвать артистами, потому что какой же артистъ будетъ наигрывать „Навагеръ“ на тарелкахъ, „Фауста“ на сквородахъ и „Роберта Дьявола“ на бутылкахъ. Это люди, называющіе, такъ сказать, музыку до степени пошлаго фокуса и потому неимѣющіе права называть себя артистами.

Существуютъ, наконецъ еще такъ называемые „дрессировщики звѣрей“. Они садятся верхомъ на спину льва; заставляютъ барабанить зайца, выучиваютъ собаку дѣлать „сальтомортале“ и т. д. до безконечности. Но и ихъ дѣятельность, въ томъ видѣ, въ какомъ ова находится по настоящее время, также крайне бесполезна и бессмысленна. Что толку въ томъ, что левъ такой-то, истерзаный голодомъ и раскаленнымъ желѣзомъ, дойдетъ до такого смиренія, что будетъ позволять своему дрессировщику садиться къ себѣ на спину? Вѣдь, другіе-то львы пустыни останутся все такими же хищниками и и также преспокойно будутъ рвать и людей, и верблюдовъ, и лошадей, попадающихъ имъ на дорогѣ и если выпустить къ нимъ самаго надрессированнѣйшаго льва, то онъ не только не внесетъ въ ихъ среду какихъ-нибудь смиренныхъ инстинктовъ, но и самъ сейчасъ же обратится въ наглѣйшаго звѣря и съ удовольствіемъ полакомится бифштексомъ пѣзъ своего профессора, если тотъ подвернется ему гдѣ-нибудь на дорогѣ. Да и львиную породу отнюдь не улучшить этотъ заморенный дрессировкой царь пустыни.

Да, всѣ эти дрессировщики животныхъ только издѣваются въ угоду толпѣ надъ пастышками животныхъ, безъ всякой пользы и для толпы и для бѣдныхъ звѣрьковъ.

А между тѣмъ, нельзя не согласиться, что бѣдные труженики цирка дѣйствительно тянутъ тяже-

люю лямку, пока они молоды и работоспособны и обречены на всевозможныя бѣдствія, какъ только они надорвутъ свое здоровье или просто стѣсняются и благодаря этому сдѣлаются неспособными къ труду. И конечно, по человечеству, они достойны жалости. Имъ бы хотѣлось помочь, но какъ? Какъ помочь имъ, не принося, въ то же время, и вреда всему обществу? Помочь имъ, стало быть, поддерживать циркъ, а поддерживать циркъ, стало быть, содѣйствовать укорененію не только безполезнаго, но и безусловно вреднаго учрежденія. Вреднаго не только для дѣятелей цирка, но и для толпы, посѣщающей его, потому что я не устаю повторять, что циркъ въ пасторальномъ своемъ видѣ—явленіе злое и безгражданское. Какъ же выйти изъ этого заколдованнаго круга, какъ же вывести изъ него и бѣдныхъ его дѣятелей? Какъ реорганизовать циркъ?

Въ дальнѣйшихъ моихъ очеркахъ я постараюсь подробнѣе и детальнѣе коснуться нѣкоторыхъ сторонъ цирковой жизни и—кто знаетъ—можетъ быть болѣе всестороннее изученіе этого вопроса само подскажетъ намъ какой-нибудь благоприятный выходъ.

Влад. Тихоновъ.

Возобновленіе „Корделіи“.

13 октября на сценѣ Мариинскаго театра возобновили оперу П. О. Соловьева „Корделіи“, поставленную впервые тринадцать лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1885 году и притомъ сразу на обихихъ казенныхъ сценахъ: московской петербургской.

Сюжетъ оперы заимствованъ г. Бронниковымъ, а романъ либретто изъ драмы В. Сарду „La Haine“. Онъ основанъ на столкновеніи страстей партійныхъ со страстями личными, чѣмъ напоминаетъ исторію Монтеки и Капулетти. Югурта, братъ Корделіи, вождь гибеллиновъ задумываетъ изгнать и убить гвельфовъ, устроить имъ на площади передъ его родовымъ замкомъ, куда яв. Орсо, вождь гвельфовъ, тайно любящій Корделію, предложитъ ей свой побѣдный вѣнокъ. Корделіи вѣсть похъ и оскорбляетъ Орсо, что служить знакомъ для нападенія на гвельфовъ. Происходитъ схватка, гибеллины Орсо въ наказаніе за гордость насилуютъ Корделію Югурта бѣжитъ. Уберта, кормилица Корделіи, слышавъ рой Андреяно погибъ во время схватки, рѣшается изъ мести убить Орсо, въ чемъ ей помогаетъ Корделіи. Но при видѣ раненаго врага въ ней просыпается любовь къ Орсо, и послѣ нѣкотораго колебанія она ему жизнь. Югурта, узнавъ это, отравляетъ Корделію хризомъ, куда явится Орсо съ народомъ праздновать бѣду. Народъ принимаетъ отравленную Корделію за зачумленную и ее вывѣстятъ съ Орсо заколачиваютъ въ храмъ, который становится имъ могилой. У Орсо отъ выломать двери, открываются раны, и онъ умираетъ вогъ Корделіи.

Сюжетъ, какъ видно, въ высшей степени мелодраматиченъ. Maître Sardou является въ немъ во всеоружіи уголовного арсенала: тутъ и убійство, и война, и насиліе и пожаръ, и кинжалъ, и

Но, несмотря на свою мелодраматичность, яркость, сцениченъ и даетъ богатый матеріалъ для благогоудаго музыкальнаго стиля. Къ сожалѣнію, въ оперѣ г. Соловьева нѣтъ нивенно стиля: это смѣшеніе всѣхъ стилей въ какую-то музыкальную хрестоматию. Авторъ, очевидно, избѣгая пошлыхъ приемовъ, лишилъ свое про-

изведеніе опредѣленной музыкальной формы. Если оперныя формы—самы свободныя и самыя разнообразныя музыкальныя формы, то изъ этого не слѣдуетъ, что свобода формы должна быть безформенной. Сообразуясь со сценическимъ движеніемъ, когда возможно, оперныя номера могутъ быть или строго закруглены по формѣ, даже съ симфонической разработкой, или же съ другой стороны, когда это слѣдуетъ, форма ихъ, какъ бы сглаживается, и музыка свободно слѣдуетъ за драматическимъ движеніемъ на сценѣ. Слѣдовательно, оперныя темы могутъ быть и широкими, плавными кантленами, и короткими фразами речитативнаго характера. Опера же г. Соловьева полна, за рѣдкими исключеніями, мелодическаго речитатива, сопровождаемаго изысканной, ничѣмъ подчасъ не мотивированной гармоніей. Интерваллы мелодическаго рисунка речитатива болѣею частью случайны и широки, что доводитъ нѣмцовъ чуть ли не до тирольскаго „jodeln“.

Въ смыслѣ музыкальных характеристикъ имѣются двѣ общія: жестоко-свирѣлая для Югурты и Уберты, и сладкая, расплывчатая для Орсо, Корделіи, Андреяно и остальныхъ. Инструментовка оперы, конечно, изобличаетъ мастера дѣла, однако попадаются сочетанія псевдобесподобныя, напр. партія калорна, сопровождающихъ романсы Андреяно 1-го акта. Точно также частыя удвоенія голоса какимъ либо оркестровымъ инструментомъ стѣсняють солистовъ. Позволимъ себѣ сдѣлать упрекъ и относительно тональности: часто авторъ начинается въ одномъ тонѣ, а кончаетъ безъ видимыхъ причинъ въ другомъ. Эти и т. п. недостатки много мѣшаютъ красивымъ кантленамъ оперы. Какъ мы уже замѣтили, мелодическая сторона самая сильная у г. Соловьева, но едва ли она поражаетъ самостоятельностью. Мейерберъ, напримѣръ, представленъ въ видѣ „ратанлана“ изъ „Гугенотъ“, и „Сѣверной звѣзды“ въ балладѣ Бенно 2-го акта,—кстати, прекрасномъ оперномъ №, въ которомъ опредѣленные формы дѣйствуютъ освѣжающимъ образомъ. Рубинштейновское „Не плачь дитя“ чувствуется до извѣстной степени въ обращеніи архіепископа къ Орсо въ послѣднемъ актѣ и кое-гдѣ въ женскихъ хорахъ. Намъ показалось даже вліяніе Ц. Кюи въ отрывкахъ изъ Анджело и Ратклифа (финалъ Корделіи и финалъ Ратклифа) и Римскаго-Корсакова въ нѣкоторыхъ отрывкахъ „Спѣгурочки“.

Въ общемъ „Корделіи“—представляетъ въ музыкальномъ отношеніи нѣсколько счастливыхъ моментовъ, дающихъ уху, пріятный отдыхъ, написана съ музыкальной эрудицією, хотя едва ли отмычена печатью музыкальной самостоятельности.

Опера была исполнена прекрасно. Г. Яковлевъ—очень эффектный Орсо и по силѣ голоса и по внѣшности, хотя и не совсѣмъ твердый въ интонаціи; Корделіи—г-жа Медель-Фигнеръ—не оставляетъ желать лучшаго ни по игрѣ, ни по инѣию, ни по внѣшнему облику. Недурно играетъ свирѣлаго Югурту г. Стравинскій; хороши и г-жа Славина, очень драматическая Уберта (сколокъ съ Фидесъ изъ Пророка) также какъ и г-жа Долина въ небольшой партіи Андреяно и г. Ершовъ, блестящій въ несколькихъ высокихъ ноткахъ въ балладѣ Бенно. Хоръ и оркестръ дѣлали свое дѣло исправно подъ управленіемъ г. Крушевскаго. Поставлена опера роскошно; по обыкновению многіе номера были повторены. Исполнителямъ главныхъ партій, такъ же, какъ и почтенному автору, котораго усердно вызывали, было поднесено нѣсколько вѣнковъ и другихъ цвѣточныхъ подношеній.

Влад. Чистовъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Слухи о гастрольхъ М. Г. Савиной въ Москвѣ, въ „Новомъ театрѣ“, и М. Н. Ермоловой—въ Петербургѣ, по словамъ московскихъ газетъ, преждевременны. Вопросъ о нихъ далеко еще не рѣшенъ, и если онѣ и состоятся, то не раньше конца ноября.

А мы такъ слышали, что они и совсѣмъ не состоятся. Въ такомъ видѣ, въ какомъ гастроль предполагается, едва ли гастроль представляли бы художественный интересъ.

Г-жа Барети

Новая артистка Михайловскаго театра.

Въ нынѣшнемъ сезонѣ состоится пятисотое симфоническое собраніе русскаго музыкальнаго Общества. Собраніе придется на второе января. Первое собраніе подъ управленіемъ Н. Г. Рубинштейна дано было 23-го ноября 1860 года. Программа его была слѣдующая: увертюра и антракты къ трагедіи „Клэизъ Хоумскій“ Глинки, арія изъ оперы „Тамерланъ“ Генделя (исполвила оперная артистка г-жа Онопере), женскій хоръ („Spinnerchor“) изъ оперы „Корабль-призракъ“ Вагнера и симфонія (b-dur) Бетховена. Эта же программа будетъ повторена въ нынѣшнемъ юбилейномъ собраніи.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. *Большой театръ.* Идутъ усиленные репетиціи двухъ оперъ: „Ночь передъ Рождествомъ“ и „Карменъ“.

Новый театръ. Въ составъ труппы принята г-жа Шиловская, дебютировавшая въ пьесѣ „Три искушенія“. Г-жа Шиловская известна москвичамъ по спектаклямъ Общества Искусства и Литературы, гдѣ она выдвинулась исполненіемъ ролей Виолы („Двѣнадцатая ночь“) и Виттихи („Поголовный колоколь“).

Театръ Корина. 9-го октября состоялся бенефисъ г. Туганова. Поставлена была старинная драма О. Фелье „Жизнь прожить — не поле перейти“, старательно разыгранная бенефициантомъ, гг. Свѣтловымъ и Николынымъ. Сборъ полный. Г. Туганову поднесенъ подарокъ.

Художественно-общедоступный театръ. Директоръ-распорядитель В. И. Немировичъ-Данченко. Главный режиссеръ К. С. Станиславскій. Объявленъ репертуаръ: „Венеціанскій купецъ“, „Антигона“, „Самоуправцы“, „Потопившій колоколь“, „Ганзелла“, „Уриель Акоста“. Первый спектакль — 14 октября — „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“. Билеты всѣ уже проданы.

Зимній театръ Буббъ. Дирекція П. Омонъ. Новая оперетка „Вѣгство Декатеро“ имѣла несомнѣнный успѣхъ. Въ заглавной партіи выступила г-жа Дебріежъ. Недурны гг. Шиллингъ, Эспе и Сѣверскій.

Интернаціональный театръ. Дирекція М. П. Никитиной. Поставленная въ воскресенье, 11 октября, старинная оперетка „Орфей въ аду“ прошла хорошо и дала полный сборъ. Готовится новинка „Фанрть“. Во время гастролей г. Гадигъ половина труппы г-жи Никитиной будетъ играть въ Нью-Йоркѣ клубъ, а другая половина побѣдетъ гастролировать въ ближайшіе города — Тверь, Рязань и Ярославль.

* * *

Работы по ремонту Солодовниковскаго театра въ настоящее время заканчиваются. Репертуаръ частной оперы будетъ состоять изъ наиболѣе популярныхъ оперъ прошлагодняго сезона, съ одной стороны, и изъ новинокъ преимущественно отечественныхъ композиторовъ — съ другой. Итоги прошлагодняго года показали, что наибольшій успѣхъ имѣли русскія оперы; поэтому въ предстоящемъ сезонѣ будутъ поставлены оперы Строва „Юдишь“ и „Вражья сила“. Успѣхъ „Хованщины“ побуждаетъ дирекцію поставить и другую оперу Мусоргскаго — „Бориса Годунова“, но не въ первоначальной редакціи ея, а во второй, слѣланной г. Римскимъ-Корсаковымъ, и въ этомъ видѣ „Борисъ Годуновъ“ предстанетъ передъ московскою публикой въ первый разъ. Затѣмъ будутъ поставлены „Моцартъ и Сальери“ — Римскаго-Корсакова и одноактная опера „Боярыня Вѣра Шелого“, представляющая собственно введеніе къ „Псковитянкѣ“, почему она и будетъ идти вмѣстѣ съ послѣдней. Предполагается поставить также „Орлеанскую дѣву“ Чайковскаго, никогда не шедшую въ Москвѣ. Затѣмъ, какъ на особаго рода новинку, указываютъ на постановку четырехактной оперы „Анжело“ П. А. Кюи. Капельмейстерами приглашены гг. Труффи и Зеленый; послѣдній будетъ также хормейстеромъ; главнымъ режиссеромъ — М. В. Лентовскій. Какъ теперь предполагается, спектакли откроются 21-го октября „Псковитянкой“.

* * *

Нъ прощальному бенефису А. Х. Іогансонъ. Въ текущемъ году исполнится двадцатилѣтіе службы талантливой артисткы балетной сцены А. Х. Іогансонъ. Г-жа Іогансонъ впервые выступила на нашей сценѣ 24-го сентября 1878 года, въ бенефисъ Т. А. Стукозкина, въ балетѣ „Эсмеральда“ (въ *pas de deux* съ г. Гердтомъ), и уже съ перваго дебюта обратила на себя вниманіе публики и прессы. „Молодая дебютантка, говоритъ г. А. Плещеевъ въ своемъ прекрасномъ изданіи „Нашъ балетъ“, — обнаруживала необыкновенную закругленность движеній, благородство и безупречный классическій стиль танцевъ. Слѣды школы Тальони, къ эпохѣ которой принадлежалъ знаменитый въ свое время артистъ, а нынѣ профессоръ хореографическаго искусства Х. П. Іогансонъ, отразились и на его ученицѣ-дочери... Занявъ съ первыхъ же дней своей сценической дѣятельности одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашей балетной труппѣ, г-жа Іогансонъ, по плавности, мягкости и изяществу своихъ танцевъ, почти не имѣвъ въ ней соперницъ и до настоящихъ дней. Когда, подъ вліяніемъ италіанской школы, танцы у насъ стали обзекаться почти исключительно въ „техническія“ формы и до нѣкоторой степени начали утрачивать простоту, естественность, иѣгу и воздушность, г-жа Іогансонъ, не смотря на всеобщее у насъ поклоненіе италіанскимъ вкусамъ, стойко защищала знамя русско-французской школы, оставаясь до настоящаго времени почти единственною ея представительницею среди солистокъ нашей труппы. Поэтическую сторону танцевъ артистка всегда ставила выше технической отдѣлки, и поэтому въ танцахъ строго классическаго стиля, требующихъ отъ исполнителей нѣги, граціи и поэтической образности, г-жа Іогансонъ была положительно незаменимой. Если талантъ этой элегантной танцовщицы и лишенъ яркыхъ мимико-драматическихъ отблесковъ, зато истымъ балетоманамъ артистка доставляла не малое художественное наслажденіе обаятельною красотою пластичныхъ и граціозныхъ своихъ движеній и обидимъ поэтическимъ тономъ танцевъ.“

Лучшія, по художественному успѣху, разъ и разъ г-жи Іогансонъ были въ балетахъ: „Жизель“ (Марта), „Ночь и День“ (Утренняя звѣзда), „Бипрская статуя“ (Газатея), „Своерправная жена“, „Весталка“ (Лелія), „Катарина“, „Эсмеральда“ (Флёр-де-Лисъ), „Зорайя“, „Синчая красавица“, „Коппелія“ (Зари), „Шалость Амура“ (Діана), „Пробужденіе Флоры“, „Пахита“, „Приказъ короли“, „Царь Кандавизъ“, „Щелкунчикъ“ (Фей Драже), „Гарлемскій тюльпанъ“ (Эма), „Волхушка“ (Добрая фея), „Волшебная флейта“ (Лиза), „Талismanъ“ (Титанин), „Конекъ-Горбуновъ“ (Повелительница черенды), и пр.

Прощальный бенефисъ г-жи Іогансонъ состоялся въ среду, 21 октября; простится она въ возобновляемомъ балетѣ гг. Сенъ-Жоржа и Петипа: „Дочь Фараона“, въ роли „Рамзенъ“. Горькое чувство обиды вызываетъ уходъ г-жи Іогансонъ. Съ уходомъ ея, станетъ еще однимъ камнемъ меньше въ старомъ фундаментѣ русской школы, на которомъ когда-то развился, процвѣталъ и возвелся русскій балетъ. Добрыя старыя времена, когда надъ нашею сценою парилъ духъ Тальони.

И. Ф.

* * *

„Млада“, поставленная въ 1-ый разъ въ текущемъ сезонѣ 11-го октября, не смотря на праздничный день, полного сбора не сдѣлала. Балетъ, какъ видно, болѣе симпатичными нашимъ балетоманамъ не пользуется. Причину этого прежде всего слѣдуетъ искать въ грубой, лубочной постановкѣ балета,

а отчасти и въ отсутствіи достаточнаго оживленія въ танцахъ послѣднихъ двухъ актовъ. Лучшимъ актомъ въ балетѣ, безспорно, слѣдуетъ признать второй. Но на этотъ разъ, за исключеніемъ прекрасно исполненнаго воспитанникомъ и воспитанницей театральнаго училища «чешскаго танца», второй актъ прошелъ блѣднѣе и безцвѣтнѣе, чѣмъ обыкновенно. «Литовскій танецъ», исполнявшійся прежде г-жею Гельцеръ, потерялъ свою красоту и выразительность въ исполненіи г-жи Куличевской, «гопакъ», вмѣсто г-жъ Пресображенской и Куличевской, въ первый разъ танцевали г-жи Сѣдова и Егорова 2-я и исполнили его гораздо слабѣе своихъ предшественницъ, а «цыганская пляска», за болѣзнь г-жи Чернявской, была и совсѣмъ выпущена.

Наибольшій успѣхъ въ балетѣ выпалъ на долю г-жи М. Кшесинской 2-ой, гг. Ширяева и Лукьянова.

Изъ остальныхъ исполнительницъ отмѣчу изысканную Войславу г-жу М. Петича 1-ую, хотя не малымъ пятномъ въ исполненіи ею этой роли является классическій «египетскій танецъ», который совсѣмъ не подходитъ къ жанру ея дарованія и производить скорѣе каррикатурное впечатлѣніе. Впрочемъ, неудачное впечатлѣніе танца искупается прекраснымъ solo на скрипкѣ г. Ауэра, вызывающаго единодушныя одобренія всего театра.

Н. Ф.

* * *

Талантливый пианистъ г. Госманъ, какъ намъ сообщаютъ на долгое время лишенъ возможности выступать передъ публикой въ концертахъ. Онъ страдаетъ болѣзнью печени, образовавшейся, какъ говорятъ, вслѣдствіе усиленной ѣзды на велосипедѣ.

* * *

Въ концѣ ноября состоится концертъ извѣстной пианистки г-жи Друкеръ.

* * *

Жанна Гаддингъ начинаетъ свои спектакли въ Россіи съ половины этого мѣсяца Одессой. Въ Москвѣ она выступаетъ въ первый разъ 29-го октября на сценѣ «Интернаціональнаго» театра. Въ составъ труппы, пріѣзжающей съ ней, вошли слѣдующіе артисты: г-жи Dorlia, Rogers, Lelière, Billy, Naudy, Andrée de Vignat, Lucile, Marsane, Derville и гг. Paul Plan, Ch. Lenormant, Hattier, Munié, Walbert, Lauras, Duvivier, Hervouet, Petibon. A Fauret. Главный режиссеръ — г. Lorady; режиссеръ г. Petibon.

* * *

Опереточные спектакли въ «Акваріумѣ» (Дирекція г. Николаева-Соколовскаго) начинаются съ 20-го октября.

* * *

Концерты квартета Е. В. Герцога Мекленбургскаго Блестящее начало концертному сезону далъ квартетъ Е. В. Герцога Мекленбургскаго, устроившій въ залѣ Кредитнаго Общества въ субботу, 26 сентября, 3 и 10 октября три вечера съ участіемъ пианистовъ — г-жи Друкеръ, гг. Ф. Блюменфельдъ и Аренскаго. Исполнялись фортепианный трио Рубинштейна (g moll) и Аренскаго (d-moll), фортепианный квартетъ Шумана, два квартета Бетховена и по одному квартету Гайдна, Моцарта, Шуберта и Чайковскаго. Молодые квартетисты — гг. Каменскій (primio), Дуловъ (secondo), Гейне (альт) и Буткевичъ (виолончель) — несмотря всего на двухлѣтнюю практику, такъ хорошо сыгрались и проявили столько пониманія характера исполнявшихся произведеній, что художественное значеніе названныхъ вечеровъ было много выше обычнаго уровня здѣшнихъ квартетныхъ собраній и напоминалъ безподобный «Богемскій» квартетъ. Достигненію подяго совершенства въ исполненіи мѣшаетъ, однако, еще нѣкоторая неопытность, сказавшаяся главнымъ образомъ въ неточности ритмическихъ оттѣнковъ, какъ, напр., въ замедленіи Гайдновскаго allegretto, въ неправильномъ отрываніи шестнадцатыхъ въ scherzo бетховенскаго квартета op. 18 № 2, неясномъ отличіи короткихъ фортиссимо отъ задержаній и неправильныхъ проходящихъ въ Моцартѣ и т. д.; кромѣ того, замѣчались иногда техническіе недочеты, вродѣ нечистаго «аттакированія» звука у первой скрипки, и, наконецъ, тембръ альтъ звучалъ нѣсколько сухо. Последнее, впрочемъ, можетъ зависѣть отъ свойства даннаго инструмента, а дѣяныя первой скрипкой слѣдуетъ объяснить недомоганіемъ г. Каменскаго, пересилившаго себя и не отказавшагося отъ участія, чтобы не расстроить благого начинанія. Лишь къ послѣднему вечеру талантливый артистъ совершенно оцарился и, дѣйствительно, въ техническомъ отношеніи оказался почти безупречнымъ. Что же касается фразировки, то особенной «пѣвучести» отличалась передача того же г. Каменскаго и г. Буткевича. Публика оцѣнила молодыхъ исполнителей и посѣщала эти вечера въ возрастающемъ количествѣ. Говорятъ, что квартетисты намѣрены совершить маленькое артистическое турне по Россіи и первымъ пунктомъ своей остановки намѣтили Москву. Устройство квартетныхъ собраній въ провинціи должно имѣть несомнѣнный успѣхъ.

Что касается выбора пьесъ, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ похвалить составителей программъ за то, что они отвели сравнительно большое мѣсто русскимъ композиторамъ. Изъ девяти номеровъ треть принадлежала русскимъ авторамъ. Молодымъ квартетистамъ слѣдуетъ включить въ свою программу и остальные произведенія Рубинштейна и Чайковскаго, а также квартеты Бородина, Глазунова (ихъ уже пятьopus'овъ), Соколова, характерный квартетъ Римскаго-Корсакова, изысканное «Sarniente» Кюи и т. п. На первыхъ порахъ, впрочемъ, можно благодарить ихъ и за исполненные номера, тѣмъ болѣе, что они состояли изъ такихъ произведеній, какъ «Фигурный» квартетъ Чайковскаго, чудное трио Аренскаго и широко задуманное и великолѣпно планированное трио Рубинштейна. Фортепианную партію въ послѣднемъ съ замѣчательной ясностью въ изложеніи и въ то же время заразительнымъ увлеченіемъ исполнила г-жа Друкеръ.

Трио г. Аренскаго (кажется второе) едва ли не лучшее произведеніе этого рода за послѣднее десятилѣтіе. Начало трио, съ меланхолической, но увлекательной мелодіей въ скрипкѣ, на фонѣ триольныхъ аккордовъ фортепианнаго характера, сразу вводитъ слушателя въ надлежащее настроеніе, заставляющее его съ возрастающимъ интересомъ слѣдить за перипетіями темы. Сообразно съ сонатной формой, въ которой написана первая часть трио, главной темѣ противопоставляются двѣ другія. Въ разработкѣ послѣ первой репризы, авторъ даетъ новыя характерно и широко развивающіяся мелодическія фигуры, составленныя, конечно, исключительно изъ соотношеній и видоизмѣненій тѣхъ же темъ; благодаря этому, а также мистическому пользованію свойствами инструментовъ, эта часть при всей несложности модуляцій и простотѣ мотивовъ — вызываетъ большой подъемъ настроенія. Заразительною веселостью дышитъ «скерцо-вальсъ», построенный опять замѣчательно просто и ясно, но съ поразительнымъ знаніемъ мельчайшихъ тонкостей въ характерѣ инструментовъ. Въ «элегіи» слышится величавая скорбь, выраженная въ первомъ колѣнѣ маршеобразнымъ ритмомъ — въ характерѣ marche-funèbre въ роляхъ и чуднымъ, грустнымъ напѣвомъ. Навѣвъ этотъ рельефно рисуетъ скорбный обликъ незабвеннаго К. Ю. Давыдова, памяти котораго г. Аренскій посвятилъ свое трио. Сходство и повторенія основныхъ мелодій нигдѣ не приводятъ къ монотонности или безсодержательности, благодаря умѣлой ритмической и мелодической разработкѣ, въ которой авторъ проявляетъ дарованіе, доходящее нерѣдко до гениальности. Успѣхъ произведенія былъ огромный; пришлось биссировать, причемъ для повторенія г. Аренскій выбралъ скерцо. Исполнялось трио гг. Аренскимъ, Каменскимъ и Буткевичемъ замѣчательно стройно, съ большимъ виртуознымъ блескомъ и темпераментомъ. Такихъ типично камерныхъ и въ то же время освѣжающихъ и вдохновенныхъ произведеній надо пожелать побольше, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время когда лучшія творческія силы въ Россіи и Зап. Европѣ тратятся на «прикладную» музыку, камерный стиль пренебрегается композиторами все болѣе и болѣе...

Э. И. Борманъ.

* * *

Нами получены только что появившійся въ продажѣ иллюстрированный каталогъ разнаго сценическаго имущества (декорацій, костюмовъ, бутафорскихъ вещей и аксессуаровъ), изданный бр. А. и Л. Лейфертъ. Такое изданіе впервые появляется въ Россіи и вполне своевременно при народившемся спросѣ провинціи. Бр. Лейфертъ вполне добросовѣстно изучили свою спеціальность. Постановки «Памелы» и «Царя Ослода Іоанновича» вызвали единодушное одобреніе печати за вѣрность и изящество исполненныхъ вещей.

* * *

10 октября въ залѣ Благороднаго Собранія состоялась литературно-музыкальный вечеръ въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Военно-Медицинской Академіи. Въ началѣ вечера были прочтены сцены и монологи изъ пьесъ: «Ночь на дачѣ», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ А. Штала и новый водевилъ А. Романовскаго: «Женихъ за глаза и женихъ на лицѣ». Спектаклями управлялъ Ф. П. Горевъ.

Недурными исполнителями оказались Л. И. Орлова и А. Е. Романовскій. Въ концертномъ отдѣленіи выступили между прочимъ: В. Г. Вальтеръ, съ большимъ успѣхомъ исполнившій нѣсколько номеровъ на скрипкѣ, и Ф. П. Горевъ, продолжавшій «Полю», стихотвореніе А. Майкова. Вечеръ закончился танцами.

Что касается водевиля А. Романовскаго, то онъ имѣлъ бы успѣхъ, если бы выпустилъ скучное резонерство Ковлова и его дочери.

* * *

Въ половинѣ ноября въ Петербургъ прибудетъ италіанская драматическая труппа, во главѣ съ тригикомъ г. Цакони. Спектакли будутъ даваться въ консерваторскомъ театрѣ. Г. Цакони появятся въ роляхъ «Короля Лира», «Гамлета», «Отелло»,

«Шейлока», во «Власти тьмы» гр. Л. Толстого и «Нахлебникъ» Тургенева.

Частная русская опера начинает свои спектакли 18 октября (воскресенье) въ залѣ Кононова. Цѣны на свои спектакли товарищество назначило очень скромныя — отъ 50 копѣекъ. Для удобства публики билеты продаются въ газетныхъ кіоскахъ Пташниковъ, Новостей!

Минувшимъ лѣтомъ Петербургъ обогатился еще однимъ народнымъ садомъ (на Черниговской улицѣ, близъ Московской заставы).

Старшій фабричный инспекторъ Г. И. Рыковский обратилъ вниманіе на полное отсутствіе для рабочихъ Александровскаго фабричнаго района разумныхъ и достойныхъ для ихъ кармана развлеченій и предложилъ фабрикантамъ упомянутого района устроить доступный для рабочихъ садъ. Первымъ откликнулся инженеръ маслوبيнаго завода А. М. Жуковъ. И. Т. Зябикій, взявшійся за организцію этого дѣла. Владѣлецъ завода А. А. Жуковъ предоставилъ для устройства сада безвозмездно значительный участокъ земли и электрическое освѣщеніе, мѣстные фабриканты гг. Зигель, Колобовъ и Бобровъ, Богдановъ, Шапашниковъ, Эйлеръ, Общество производства механической обуви, братья Кожениковы, газовый заводъ, г. Риксъ, г. Парманъ, а также и командиръ воздухоплавательнаго парка охотно явились помочь въ дѣлѣ устройства сада. Городское попечительство о народномъ трезвости выдало субсидію въ 1.000 рублей.

Къ особенности лиговскаго сада слѣдуетъ отнести то, что режиссеромъ сада Н. П. Чубинскимъ была организована труппа актеровъ-любителей, играющихъ безвозмездно. Входная плата была самая незначительная: взрослые 5 коп., дѣти 3 коп. съ благотворительнымъ сборомъ. Передъ сценой для желающихъ продавались платные мѣста отъ 6 коп. Въ репертуаръ сада вошли нѣсколько пьесъ Островскаго, «Женитьба» Гоголя, «Адвокатъ Пателенъ» (съ французскаго), «Жоржъ Данденъ» Мольера и др. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю «Женитьбы» и «Адвокатъ Пателенъ»; обѣ пьесы были повтсрены. Нельзя не пожалѣть, что за отсутствіемъ зимняго погребенія мѣстный рабочий людъ болѣе чѣмъ $\frac{2}{3}$ года остается лишеннымъ здоровыхъ развлеченій.

Н. У.

Первой новой оперой на сценѣ «Новаго» театра — будетъ «Забава Путятишна» М. М. Иванова.

Пьеса «Ainée» Ж. Леметра, предполагавшаяся къ постановкѣ на сценѣ Михайловскаго театра, не разрѣшена драматическою цензурою.

Въ отвѣтъ на запросы нашихъ читателей, можемъ сообщить, что «Блестящая партія» разрѣшена лишь для Императорскихъ театровъ.

П. П. Гнѣдичъ закончилъ новый переводъ «Укрощенія строптивой».

Театральная репутація нѣмецкаго клуба значительно поднялась въ послѣднее время. Теперь спектаклями завѣдуетъ М. Г. Михайловскій. Правленіе клуба ассигновало небольшую денежную субсидію, что дало возможность г. Михайловскому придать этимъ спектаклямъ приличную физіономію, и спектакли г. Михайловскаго охотно посѣщаются публикой. Репертуаръ заслуживаетъ полной похвалы. Г. Михайловскій выбираетъ преимущественно такія пьесы, которыя или не знакомы петербуржцамъ или же хорошо забыты. До сихъ поръ были поставлены: «Коварство и любовь», новизна для Петербурга пьеса Е. П. Карпова «Крокодилы слезы», «Невольница» Островскаго, «Княгиня Ульяна Вяземская» Д. В. Аверкіева и «Трактирщица».

Намъ пришлось быть на послѣднихъ двухъ спектакляхъ. «Княгиня Ульяна Вяземская», уже лѣтъ 5-ть не шла въ С.-Петербургъ, если не считать неудачную постановку ея на одной изъ открытыхъ сценъ.

Исполненіе пьесы было въ общемъ прилично, кромѣ г-жи Крыловой Шевченко. Недурень и г. Малыгинъ въ роли Михалко. Г. Ермакову, приличному исполнителю Князя Юрія, слѣдуетъ соразмѣрять свой голосъ. Въ драматическихъ мѣстахъ голосъ г. Ермакова срывается и въ немъ появляется какая-то

Квартетный концертъ.

Гг. 1) Каменскій, 2) Буткевичъ, 3) Гейне, 4) Дуловъ.

излишняя дрожь. Гг. Аржацниковъ, Масальскій и г-жа Кремнева дружно поддерживали ансамбль.

«Трактирщица» поставленная 14 октября, прошла еще лучше. Г-жа Крылова-Шевченко была достаточно мила въ роли Мирандолины. Гг. Тимиревъ (Маркизь Форлипполи) и Аржаниковъ (кавалеръ qu-Рипафрота) обнаружили веселость и имѣли успѣхъ. Понравился намъ на этотъ разъ и г. Ермаковъ.

Готовятся къ постановкѣ «Бобровая шуба» Гауптмана пер. В. Пр-ва.

Нилъ Ука—въ.

Въ среду, 14-го октября, въ залѣ Павловой состоялось открытіе С.-Петербургскаго Драматическаго Кружка. На первый разъ шло «Искушеніе» одноактная пьеса г-жи Чюминой, при участіи П. А. Стрепетовой. Исполнителями этой пьесы явились г-жи Н. С. Красова, А. П. Лаврецкая, гг. В. И. Сѣтовъ и Н. А. Горскій. Затѣмъ слѣдили успѣхъ картины, поставленной художникомъ г. Инибергомъ. Вечеръ кончился концертнымъ отдѣленіемъ. Г-жа Стрепетова имѣла большой, вполне заслуженный успѣхъ.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ новое театральное изданіе «Наши артистки», представляющее изъ себя рядъ иллюстрированныхъ характеристикъ нашихъ извѣстныхъ артистокъ. Первый выпускъ будетъ посвященъ г-жѣ Коммиссаржевской. Текстъ принадлежитъ перу нашего сотрудника Ю. Д. Бѣляева. Интересно, какъ отнесется къ этому изданію наша публика. За границею такія изданія, вродѣ «Nos jolies actrices», въ большомъ ходу.

Въ непродолжительномъ времени состоится возобновленіе въ московскомъ Большомъ театрѣ трагедіи «Орлеанской Дѣвы» съ М. Н. Ермоловой въ заглавной роли. Сцена Ювины съ Чернымъ рыцаремъ, пропускаемая на сценѣ Малаго театра, будетъ нынѣ возобновлена вполнѣ.

Опереточный сезонъ въ «Акваріумѣ» открывается, какъ намъ сообщаютъ, въ среду, 21-го октября, совершенно новой вѣнской опереткой моднаго композитора Вейнбергера «Цвѣточница Мери» («Die Blumen-Mary»). Въ опереткѣ заняты г-жи Кестлеръ, Муратова, гг. Пальмъ, Рутковскій, Писаревъ и др. выдающіяся силы труппы. «Цвѣточница Мери» ставится г. Николаевымъ-Соколовскимъ. Текстъ оперетки принадлежитъ г. Пальмскому.

Въ составъ труппы вошли: г-жи Кестлеръ, Чельская, Муратова, Попова, Солнцева, Крулева, Писарева, Булдина и Александрова и гг. Пальмъ, Писаревъ, Щетининъ, Чебанъ, Рутковскій, Грѣховъ, Васильевъ, Лукинъ и др. Капельмейстеромъ приглашенъ г. Энгель.

Въ текущемъ сезонѣ назначено двѣнадцать Симфоническихъ Собраній подъ управленіемъ: В. И. Сафонова, А. Н. Виноградскаго, Ф. Вейнгартнера, Г. Рихтера, Э. Шуха и Ф. М. Блауменфельда при участіи хора Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества по субботамъ, въ 8 час. веч. 31-го ок-

тября, 14-го, 28-го ноября, 26-го декабря 1898 года, 2-го, 16-го, 23-го, 30-го января. 1-го и 20-го февраля 1899 года, 7-го ноября состоится экстренное симфоническое собрание въ память А. Г. Рубинштейна и въ пользу фонда его имени, подъ управленіемъ Л. С. Ауэра.

Къ участию въ симфоническихъ собраніяхъ приглашены: г-жи Есипова, Гейтельбаумъ; гг. Тюнъ, Скрябинъ (фортепиано), Ауэръ, Незекирскій, Марто (скрипка), Аббата и Вержбеневичъ (виолончель) и др.

22-го октября, утромъ, въ Александринскомъ театрѣ состоится спектакль въ пользу недостаточныхъ слушателей драматическихъ курсовъ при театральной дирекціи. Будетъ представленъ «Ревизоръ» въ исполненіи бывшихъ слушателей этихъ курсовъ. Устройство спектакля поручено В. Н. Давыдову. Главные исполнители: гг. Озаровскій, Борисовъ, Петровъ, Израилевъ, г-жи Виноградова и Стравинская.

Двадцатипятилѣтіе артистической дѣятельности на сценѣ Императорскихъ театровъ Марьи Гавриловны Саввиной исполнится 16-го августа 1899 года, а потому сообщенія газетъ о чествованіи юбилея артистки въ нынѣшнемъ театральномъ сезонѣ лишены основанія,

Мотылекъ.

Не спрашивай меня съ улыбкой горделивой,
Зачѣмъ такъ чуждъ тебѣ, зачѣмъ я такъ далѣкъ...
Сіяя прелестью заманчиво-красивой,
Ты только мотылекъ.

Вотъ предъ тобой, взгляни, игривый и лучистый.
Вспорхнулъ онъ межъ цвѣтовъ, гдѣ искрится роса...
Но лишь возьмешь его, и пылью золотистой
Развѣется его минутная краса.

Не спрашивай меня съ улыбкой горделивой
Зачѣмъ я не беру протянутой руки:
Всѣ, а прелесть своей заманчиво-красивой,
Вы только—мотыльки!

Д. Рангаузъ.

Открытіе московскаго художественнаго общедоступнаго театра.

Объ открытіи московскаго „Художественно-Общедоступнаго театра“, какъ называется театръ П. Станиславскаго и Немировича-Данченка, находимъ пока краткія описанія въ московскихъ газетахъ.

Сначала вѣскольکو словъ о самомъ предпріятіи. Хозяйствомъ новаго предпріятія является „Товарищество на вѣрѣ для учрежденія Московскаго Общедоступнаго театра“. Въ составъ учредителей этого товарищества вошли слѣдующія лица: К. С. Алексѣевъ, С. Т. Морозовъ, К. В.

Осиновъ, К. К. Ушковъ, Н. А. и Л. Г. Лукутины, Д. Р. Востряковъ, Н. А. Прокофьевъ, К. А. Гутхейль, В. И. Немировичъ-Данченко и А. И. Генцертъ. Ближайшій и основной цѣль, которую преслѣдуетъ товарищество, — „доставлять небогатымъ классамъ жителей Москвы развлеченія“ въ формѣ драматическихъ представлений, причемъ „репертуаръ долженъ быть исключительно художественнымъ, а исполненіе возможно образцовымъ“.

Авторомъ проекта „Художественно-общедоступнаго театра“ является В. И. Немировичъ-Данченко, который и приглашенъ директоромъ-распорядителемъ пародившагося театра. Товарищество имѣетъ капиталъ, достаточный для покрытія самаго большаго дефицита въ первый годъ своей дѣятельности.

Уполномоченными для проведенія въ жизнь своихъ намѣреній Товарищество выбрало В. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславскаго-Алексѣева, бывшаго предсѣдателя „Общества Искусства и Литературы“. Г. Немировичъ-Данченко вѣдаетъ составленіе труппы, репертуаръ, распредѣленіе ролей и сценаріи театра со всѣми лицами и учрежденіями, имѣющими какія бы то ни было отношенія къ дѣятельности „Общедоступнаго“ театра. К. С. Алексѣевъ — полновластный распорядитель сцены, главный режиссеръ.

Открытіе съ вѣнней стороны было торжественное. Театръ былъ биткомъ набитъ. Публика единодушно вызвала гг. Немировича-Данченко и Станиславскаго, причемъ имъ вручили два роскошные лавровые вѣнка отъ совѣта старшинъ Охотничьего Клуба и отъ директоровъ Филармоническаго Общества. Кроме того, въ теченіе спектакля были получены привѣтствія отъ А. П. Левскаго, отъ молодыхъ артистовъ Новаго театра, отъ учениковъ Филармоническаго Училища, отъ бывшихъ учениковъ этого училища изъ Пензы и отъ „друзей“ изъ Парижа.

Объ исполненіи „Царя Ѳедора“ „Московск. Вѣдом.“ замѣчаютъ:

Сначала послѣ первыхъ двухъ, трехъ картинъ, если судить по силѣ апплодисментовъ и количеству вызововъ, впечатлѣніе у публики было неопредѣленное, какое-то неясное. Но вѣншій успѣхъ пьесы и исполнителей значительно усилился во время второго акта, а по окончаніи девятой картины, изображающей берегъ Яузы, раздались шумные и восторженные апплодисменты, доказавшіе вполне сочувственное и одобрительное отношеніе многочисленной публики къ дебюту труппы.

Критикъ газеты „Курьеръ“, возражалъ воображаемымъ противникамъ, которые „завтра пустятъ лживыя стрѣлы“ въ исполнителей трагедіи, ссылаясь на драматическихъ авторовъ, которые „сильнѣе“ и движенія коня, вѣроятно, были быстры „какъ Божія гроза“.

Несомнѣнно, что недочеты въ ходѣ игры найдется довольно много, пишетъ „Курьеръ“. То недостаетъ тона, недостаетъ его преемственности, которая сливаетъ каждую сцену въ одно музыкальное цѣлое, то слишкомъ много движенія и суевы, то расхолаживающее замедленіе репликъ. Все это такъ. И все-таки передъ зрителями прошла картина, точно выхваченная изъ XVI вѣка, все-таки передъ зрителями развернулась и захватила ихъ со всею силой драма. Прежде всего съ начала до конца вся постановка, начиная съ игры главнѣйшихъ персонажей и кончая самой мельчайшей деталью, стилизована (стирилизирована)? сведена въ такое одно цѣлое, что все время передъ зрителями ни на мигъ не исчезающая старая Русь.

Наиболѣе благопріятный отзывъ даютъ „Нов. Дня“, хотя и эта газета находитъ кое-какіе недочеты. Г. Москвина за исполненіе царя Ѳедора очень хвалитъ.

Искренно привѣтствуя новый театръ, руководимый такими превосходными и просвѣщенными знатоками театра, какъ гг. Немировичъ-Данченко и Станиславскій, мы все же не можемъ не выразить о насенія предъ тою крайностью, муштровки, которую увлекаются режиссеры этого театра. Не этимъ ли преобладаніемъ муштры надъ творчествомъ и дисциплины надъ живымъ талантомъ объясняется то неясное впечатлѣніе, про которое говорятъ „Моск. Вѣд.“ Въ Петербургѣ, благодаря прекрасной игрѣ гг. Орленева, Михайлова, Тихомирова и др., уже первые акты поразили силою и красотой.

Все это предположенія, брошенные мимоходомъ. А въ общемъ, новый театръ—прекрасное учрежденіе, и задачи, которыя онъ преслѣдуетъ—чудесны. Да и то сказать, система, даже не чуждая ошибокъ, всегда предпочтительнѣе капризовъ, и метанія изъ стороны въ сторону.

НОВЫЯ ПЬЕСЫ.

Возрождение „Клейма“.

Говорить объ исполненіи возобновленной на сценѣ Александринскаго театра драмы П. Д. Воборыкина „Клеймо“, значить, говорить исключительно объ исполненіи г-жей Савиной роли Агнии Семеновны. Весь интерес спектакля заключался именно въ удивительномъ исполненіи названной роли. Достоинства игры г-жи Савиной въ комедіи и драмѣ всѣмъ отлично известны. Но думаешь ли кто-либо когда-либо о г-жѣ Савиной, какъ объ актрисѣ трагической? Едва-ли. И тѣмъ не менѣе, въ среду, 14-го октябрю, на сценѣ Александринскаго театра, въ послѣднемъ актѣ пьесы, зритель имѣлъ рѣдкій случай видѣть игру актрисы несомнѣнно трагической. Драма П. Воборыкина, благодаря артисткѣ, поднялась до высоты истинной трагедіи, и впечатлѣніе получилось огромное, потрясающее, незабываемое. Не помню, чтобы раньше мнѣ приходилось на русской сценѣ видѣть что-либо подобное. Да и едва-ли кто изъ присутствовавшихъ въ тотъ вечеръ въ театрѣ, разсчитывалъ увидѣть подобную игру. Надѣялись, конечно, по обыкновенію увидѣть что-нибудь хорошее, но то, что увидѣли, было не только хорошее, а прямо-таки великое. Кто знаетъ? Быть можетъ, мы до сихъ поръ вносимъ еще не знали и не знаемъ, что за талантъ имѣла и имѣетъ русская сцена въ лицѣ г-жи Савиной. Быть можетъ, это величина несравненно болѣе крупная, чѣмъ это принято думать, и какъ въ обычной оцѣнкѣ этого таланта ни была высока, быть можетъ, она, всетаки, недостаточно высока.

Въ впечатлѣніи, которое выносятся отъ подобнаго спектакля, весь смыслъ и все значеніе театра. Театральная же мудрость совѣтуетъ, неизменно послѣ драмы давать водевилъ, чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное драмой. Вотъ удивительное правило, предписывающее одною рукою давать, а другою отбирать, что дано! Найдутся, конечно, случаи, когда и водевилъ будетъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, и будетъ смотрѣться съ удовольствіемъ. Устраивать же изъ водевилъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, нѣчто въ родѣ хозоднаго душа — едва ли разумно. Цѣльность и единство впечатлѣній отъ спектакля не такой ужъ пустякъ, чтобы не стоило и думать о немъ. Скажутъ, каждый воленъ уйти изъ театра, когда ему вздумается и водевилъ можетъ не смотрѣть. Разумѣется. Но это значитъ переносить вопросъ на почву „не люблю-не слушаю“. Почва эта очень зыбкая и для серьезнаго театра не подходящая. И рѣчь идетъ не о каждомъ отдѣльномъ зрителѣ, а о самомъ театрѣ и его отношеніи къ своимъ задачамъ.

К. Фоминовъ.

Двѣ одноактные пьесы поставлены были въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра: „Мечта“ г-жи Чюминой и „Невидимая сила“ г. Виллима. Содержаніе послѣдней пьесы мы не станемъ передавать, такъ какъ она была у насъ впечатана въ приложение, и безъ сомнѣнія, читатели сумѣютъ оцѣнить ея свободный юморъ и непринужденную веселость. „Мечта“ г-жи Чюминой — драматическій этюдъ, который мы рекомендуемъ для любительскихъ спектаклей. Если угодно, это драматическое „Nostalgia“, кстати на сценѣ и играютъ поистинѣ. Мы въ извѣстной *garçonnière* извѣстнаго оморнаго пѣвца, любима публики. Съ нимъ дама — предположительно высшего общества — относящаяся къ пѣвцу съ пылкостью истинной страсти, тогда какъ онъ, очевидно, полагаетъ, „что завтра депъ, настанетъ новый“. Послѣ нѣкотораго меланхолическаго обилия мыслей, дама вызываетъ заниской изъ клуба мужа и отравляется. Запавъ падаетъ на интересномъ мѣстѣ: сейчасъ долженъ явиться мужъ, бѣдная жертва распростерта на полу, а пѣвецъ не знаетъ, что ему дѣлать. Этюдъ написанъ звучными стихами, и разыгрывается очень слабо г-жей Дюжиковой 2-й и Новикскимъ.

„Силетя“ — драма г-жи Верховской прошла съ большимъ успѣхомъ въ Русскомъ театрѣ въ субботу 11 октября. Главныя роли распределены между слѣдующими артистами: Плетневъ — г. Скуратовъ, Плетисва — г-жа Холмская, Ржевскій — г. Наступовъ, Ремеръ — г. Васмаповъ, Меряевъ — г. Форватти и др. Всѣ исполнители пѣззи успѣхъ. Слѣдующій спектакль тѣмъ съ другимъ распределеніемъ ролей, менѣе удачнымъ, нежели первый. На этой педлѣ „Силетя“ выдержала уже три представленія.

„Наталя Борисовна Шереметьева“ г. Аверкіева дѣлаетъ новые сборы въ Александринскомъ театрѣ. И былъ на первомъ представленіи, и выпесъ довольно блѣдное впечатлѣніе. Пьеса — не лишена достоинства, хотя исторія „Разрушенной невѣсты“ Петра II скорѣе представляетъ семейную хроникку, нежели драму въ тѣсномъ смыслѣ. Сюжетъ пьесы романъ Екатерины Долгорукой, невѣсты Петра, съ кавалергардомъ Нестеровымъ. Много психологическаго развитія этой страсти драма не представляетъ; ея эффекты пережвачены извѣстнѣе, какъ у Сарду. Нестерова ослѣблилъ братъ Долгорукой. Тогда онъ вымываетъ его къ себѣ поздней ночью. И фаворитъ, зачѣмъ-то идетъ, и тамъ обезоруживаетъ Нестерова, даетъ ему пощечину, и Нестеровъ въ безсильной ярости, бросаетъ брату въ лицо свои прежніе потопешія къ Екатеринѣ; и фаворитъ отправляется во дворецъ, гдѣ засѣдаетъ совѣтъ Долгорукова, собравшійся въ виду болѣзни Петра II, и объявляетъ, что не можетъ служить фамильному дѣлу, такъ какъ, — де сестра недостойна. Все это очень романтично, но едва ли достойно настоящей драмы, ибо столкновение страстей не имѣетъ ничего общаго со случайными эпизодами.

Тѣмъ не менѣе, въ пьесѣ г. Аверкіева много хорошаго. Характеры Нестерова и Долгорукой, взятые въ отдѣльности, обрисованы ярко. Монологи красивы и интересны. Кто-то очень вѣрно замѣтилъ, что пьеса г. Аверкіева представляетъ прекрасное оперное либретто. Въ ней имѣются отличные дуэты, тріо и соло, но общія концепція не отличается достаточною связностью. Особенными несообразностями изобилуетъ послѣдняя картина. Старикъ Долгорукій рисуется въ ней мужемъ совѣта, разума и сердца, пріемлющаго съ кротостью удары судьбы. А за нѣсколько минутъ — это царедворецъ, эгоистъ и просто недалекій человекъ.

О впечатлѣніи, оставляемомъ исполненіемъ, я говорилъ уже въ прошломъ номерѣ. Можетъ быть, оно было лучше на послѣдующихъ спектакляхъ. Быть можетъ г. Дальскій измѣнилъ своему девизу „негиже съ отгадокъ“, и сталъ играть съ разсчетомъ, съ выдержкою, придерживаясь общаго замысла роли... Быть можетъ, подтянулись и другіе. Быть можетъ, г-жа Шувалова, замѣнивша за болѣвную г-жу Минчурину, сыграетъ хуже ея, быть можетъ лучше. Не думаю, впрочемъ, чтобы послѣднее. Г-жа Минчуринна очень топкая актриса, и если рѣдко трогаетъ, то никогда не раздражаетъ зрителей.

Н. Пог

Гр. А. К. Толстой.

КЪ ПОСТАНОВКѢ ТРАГЕДІИ

„ЦАРЬ ВЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ“.

Царь Ведоръ Іоанновичъ сыгранъ и имѣлъ успѣхъ — безъ преувеличенія можно сказать — совершенно необыкновенный. Трагедія, тридцать лѣтъ не выдавшая свѣта рампы, наконецъ, появилась и — сразу покорила всѣхъ. Мало того, первое представленіе, о которомъ одномъ только могу пока говорить, вышло однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, которые

Борисъ Годуновъ
(г. Гинскій).

еще выпадаютъ на „литературную улицу“, и на-вѣрное можно сказать, что такими же будутъ и всѣ многочисленныя представленія, которыя послѣдуютъ за первымъ.

Разбираясь въ своихъ впечатлѣнїяхъ отъ этого необыкновеннаго зрѣлища и стараясь опредѣлить причину этого величественнаго успѣха, прихожу къ заключенію, что все дѣло здѣсь въ томъ, что трагедія поставлена на сцену со всѣмъ подобающимъ ей блескомъ. (О самой трагедіи—этомъ излюбленномъ дѣтищѣ покойнаго графа Толстого—едва ли надобно распространяться: и автора, и произведенія его Россія давно знаетъ, цѣнитъ и любитъ, но безъ блестящей отдѣлки этотъ алмазъ не понравился бы въ такой степени. Говорю не о внѣшнемъ блескѣ—не о блескѣ новыхъ и великолѣпныхъ декорацій, новыхъ и роскошныхъ костюмовъ, и множества другихъ со стараньемъ и любовью подобранныхъ подробностей: все это, безспорно, нужно, необходимо, все это можетъ и должно способствовать успѣху. Но это только малая часть дѣла. Главное—блескъ внутренній, блескъ прекрасно угаданной и выпукло и ярко представленной сущности трагедіи. Каждая роль, даже и самая малая, заучена наизусть; каждая, даже самая маленькая, сценка разучена превосходно; сложныя народныя движенія доведены почти до отсутствія театральной условности. И впечатлѣніе получилось волшебное.

Передъ нами точно раздвинулись вѣка, и мы проникли взоромъ въ глубь старины. Мы увидѣли жизнь—настоящую жизнь, ощутили, такъ сказать, трепетаніе жизни—какъ будто все это происходитъ въ первый разъ вотъ тутъ, въ настоящую минуту, на нашихъ глазахъ. Фантастическое смѣшалось съ реальнымъ, воображаемое слилось съ возможнымъ—до иллюзіи до боли. Мало-по-малу, шагъ за шагомъ передъ нами вырисовывается грандіозная картина, которой фономъ является народная масса со всѣми ея тревогами въ одну изъ интереснѣйшихъ историческихъ минутъ. И именно этотъ фонъ картины—не меньше, пожалуй, чѣмъ самыя центральныя фигуры—привлекаютъ и покоряютъ всѣхъ; именно тревоги и волненія народной массы на сценѣ живо передаются массѣ въ залѣ и зажигаютъ въ ней отголоски тѣхъ же тревогъ и тѣхъ же волненій. Народъ, народная

масса въ этой трагедіи выступаетъ также, какъ дѣйствующее лицо, прекрасно понимающее вмѣстѣ съ своими героями все значеніе переживаемыхъ событій и своимъ живымъ участіемъ оказывающее непосредственное вліяніе на самый ходъ этихъ событій. И это „дѣйствующее лицо“ представлено великолепно, отъ чего трагедія получила, между прочимъ, тотъ именно колоритъ, о которомъ такъ заботился ея авторъ. Это скрасило даже нѣкоторые промахи въ изображеніи главныхъ фигуръ. Во всякомъ случаѣ одно дополняло другое—фонъ картины вполне соответствовалъ содержанію, и впечатлѣніе получилось цѣлостное и неотразимое. Этимъ объясняется тотъ необыкновенный успѣхъ, который трагедія имѣла—ибо, какъ вѣрно замѣтилъ Гоголь, нѣтъ выше того потрясенія, которое производятъ на человѣка совершенное согласіе всѣхъ частей между собою.

Нельзя желать лучшаго, какъ то потрясеніе, которое можетъ производить на зрителя могучая народная волна на берегу Яузы, или—еще лучше—заключительная сцена трагедіи, въ которой на площади передъ Архангельскимъ соборомъ (кстати сказать, прекрасная декоранція даетъ полную иллюзію) Федоръ, въ окруженіи пищей братіи, покаяней вполголоса покаянный псаломъ, произноситъ свой монологъ, заливаясь слезами. Одна эта сцена—если бы въ трагедіи все остальное было плохо—могла бы привлекать толпу зрителей: это—нѣчто глубоко-трогательное, незабываемое...

Вѣлинскій, какъ извѣстно, провозгласилъ, что русская исторія до Петра представляетъ ту особенность, что въ ней преобладаетъ эпическій или даже квіетическій характеръ, а потому она не можетъ, подобно исторіи западно-европейскихъ народовъ, дать мотивовъ для настоящей трагедіи. Съ этимъ трудно согласиться, да и не хочется. Можетъ быть, Вѣлинскій и правъ въ томъ отношеніи, что борьба, которую веки и приходилось выдерживать русскимъ героямъ, не похожа на то, что происходило въ исторіи западно-европейской, но мотивами самой высокой и истинной трагедіи изобилуетъ русская исторія. Какъ прекрасно выразилъ Островскій—

Столѣтними трудами
И бранями потомство Мономаха
Среди лѣсовъ Сарматіи холодной

Царь Федоръ Ивановичъ
(г. Орленевъ).

Князь В. И. Шуйскій
(г. Бравичъ).

Поставило и утвердило тронъ,
Блестающій негнѣными вѣнцами
Святыхъ князей, замученныхъ въ Ордѣ,
Окутанный одеждой херувимской
Свитителей и чудотворцевъ русскихъ.
Гремящій тронъ! Кругомъ его подножья
Толпы князей, склоненныя, трепещутъ
Въ молчаніи...

Это и есть главное дѣло русской исторіи и на этомъ пути Русь выдвинула немало истинныхъ героевъ, и работавшихъ для укрѣпленія „гремящаго трона“ — героевъ, которые отличаются отъ героевъ другихъ народовъ тѣмъ, что сами смотрѣли на свои подвиги какъ на дѣло обыкновенное, а себя считали людьми самыми обыкновенными и простыми. Однимъ изъ такихъ героевъ-молчаливиковъ является и Федоръ, и тутъ же рядомъ съ нимъ ему во многомъ

Царица Прина
(г-жа Дестомскъ)

подобный Иванъ Шуйскій. Если они не могутъ дать мотива для трагедіи въ западно-европейскомъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе они оба — лица трагическія, которые никогда не перестанутъ насъ и трогать, и возвышать.

Выше я упомянулъ про промахи въ изображеніи главныхъ фигуръ. Ихъ немного, но они есть и мнѣ хотѣлось бы указать на нихъ только потому, что устранить ихъ можно очень легко.

Что касается Федора, то г. Орленевъ такъ чудно перевоплотился — другого слова и подобрать не могу, — что тутъ уже не игра актера, а сама жизнь. Долженъ оговориться, что съ замысломъ г. Орленева я никакъ не могу согласиться. Каждый изъ насъ, конечно, составилъ себѣ опредѣленное представленіе о всѣхъ выдающихся историческихъ лицахъ — въ

Волохова
(г-жа Корсакъ).

Княжна Мстиславская.
(Г-жа Домашева).

томъ числѣ и о Федорѣ Іоанновичѣ. Мы лично этотъ „царь по-неволѣ“ рисовался всегда не иначе, какъ въ тихомъ величїи смиренномудрія.

На престолѣ
Онъ вздыхалъ о мирномъ житїи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью—
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя...

Такими чертами рисуетъ Пушкинъ Федора устами Пимена-лѣтописца. Можетъ быть, этотъ образъ не вполне совпадаетъ съ образомъ историческимъ. Но, во-первыхъ, это еще вопросъ, и не даромъ же и историки свидѣтельствуютъ, что народъ любилъ Федора, какъ ангела земного, озареннаго лучами святости, и даже дѣйствию его молитвъ приписывалъ благосостояніе Россїи; а во-вторыхъ, поэзія вовсе не стоитъ въ рабскомъ подчиненїи у исторїи, и если гдѣ, то именно здѣсь приложима мысль о насъ возвышающемъ обманѣ. Г. Орленевъ не такимъ изображаетъ Федора, и хотя даетъ образъ глубоко симпатичный, который въ концѣ концовъ врѣзывается вамъ въ сердце неизгладимыми чертами, но придаетъ ему слишкомъ много физической немощи. Отдавая такимъ образомъ дань новѣйшей модѣ, находитъ въ историческихъ лицахъ симптомы современныхъ нервныхъ болѣзней, актеръ лишаетъ свое созданіе известной доли прелести и обаянія. Это жаль, но передѣлать это уже невозможно, потому что, повторяю, тутъ актеръ уже слился съ изображаемымъ лицомъ. Но вотъ что даже съ точки зрѣнія г. Орленева представляется неправильнымъ. Въ третьемъ актѣ, когда Федоръ поставленъ въ необходимость разбираться снова въ распрѣ между Годуновымъ и Шуйскимъ; г. Орленевъ ведетъ сцену въ какомъ-то изступленномъ тонѣ и распекаетъ Бориса дѣйствительно не хуже, чѣмъ это сдѣлалъ бы самъ Грозный царь. Это совсемъ не такъ, и въ этомъ мѣстѣ болѣе простого раздраженія не должно быть проявлено Федоромъ. Изступленіе прорывается у Федора одинъ разъ—на площадѣ, когда его огорашиваетъ страшная вѣсть о томъ, что Шуйскій удушенъ. „Палачей!“ кричитъ онъ въ совершенномъ изступленїи и собирается

вспомнить, чья кровь въ немъ течетъ. У г. Орленева эта послѣдняя сцена не произвела того дѣйствія, на которое рассчитывалъ авторъ, только потому, что здѣсь только повторилась сцена третьяго акта. Кстати еще, въ третьемъ же актѣ, когда Федоръ рѣшается разстаться съ Борисомъ, г. Орленевъ передъ этимъ дѣлаетъ большую паузу, затѣмъ взоръ его какъ бы случайно останавливается на образѣ, передъ которымъ теплится лампадка, и тогда онъ принимаетъ рѣшеніе. Это—не болѣе какъ условный актерскій приемъ, и именно здѣсь онъ совершенно, по моему, не у мѣста: Федоръ на столько великъ сердцемъ, что ему отличить добро отъ зла, или бѣлое отъ чернаго, какъ онъ говоритъ, вовсе не трудно и для этого ему подкрѣпляться видомъ иконы нѣтъ надобности. Дѣлаю и эти замѣчанія потому, что при общемъ прекрасномъ исполненїи роли, досадно видѣть такіе рѣзкіе промахи. И если бы при всемъ томъ талантливый актеръ написалъ въ себѣ теперь возможность нѣсколько измѣнить созданный имъ образъ, уменьшивъ разслабленность его и усиливъ нравственное обаяніе, это было бы безукоризненнымъ и славнымъ созданіемъ.

Вполнѣ приличенъ г. Тишскій—Годуновъ; г. Бравичъ—Шуйскій крайне неудачно загримированъ скорѣе Галилеемъ, чѣмъ зацѣпникомъ Пскова. Зато далѣе нѣсколько лицъ удивительно типичныхъ и яркихъ. И на первомъ планѣ—г. Михайловъ—Клешининъ: это въ полномъ смыслѣ слова художественное созданіе, гдѣ все—гримировка, жестъ, походка—характерно, живописно и жизненно. Хороша фигура Василия Шуйскаго (г. Яковлевъ), которая сразу въ первой же картинѣ врѣзывается на столько ярко, что забыть уже трудно. Чрезвычайно типична старческая фигура Крюкова (г. Тихомировъ); не уступаетъ ей по выразительности и другая, хотя и третьестепенная фигура—Федора Старкова. Все это, можно сказать, шедевры, и эти аксесуарныя лица удивительно много содѣйствуютъ общему впечатлѣнію. Остальное—болѣе или менѣе (скорѣе даже болѣе) удовлетворительно.

М. Южный.

Клешининъ
(г. Михайловъ).

Впечатлѣніе, произведенное на меня постановкой трагедїи на сценѣ театра Литературно-артистическаго Кружка, — я не могу назвать инымъ, какъ радостнымъ. Во-первыхъ, меня плѣнили двое исполнителей: г. Орленевъ—Федоръ и г. Михайловъ—Клешининъ. Послѣдній достигъ этого большимъ искусствомъ художественнаго воплощенія, особымъ виртуознымъ совершенствомъ, съ которымъ онъ подогналъ себя подъ изображаемый характеръ; г. Орленевъ же—цельностью, страстью, жаромъ и пыломъ молодости. Отъ дѣла Федора или какія-то струи духовной благодати, и этого результата артистъ достигъ не какими-нибудь чрезвычайно тонкими приемами, а великой искренностью и простотой. Какъ Федоръ былъ простъ, наивенъ и неумѣлъ на царскомъ престолѣ, и оттого что-то ангельское отъ него исходило,—такъ и изобразитель его на сценѣ былъ только простъ, только слушался природы, только разумѣлъ сердцемъ, и оттого покорялъ зрителя.

Вторая причина—тщательность и историческая вѣрность обстановки. Укажу на нѣкоторыя частности, которыя, быть можетъ, прошли незамѣченными для публики, но въ которыхъ выразилось величайшее тщаніе дирекціи къ постановкѣ этой прекрасной трагедїи. Таковы, напримѣръ, перезвонъ колоколовъ въ послѣдней картинѣ. Это былъ настоящій концертъ на колоколахъ. А надо принять во вниманіе,

маніе, что не только большое искусство такъ звонить, но и большой трудъ подобрать колокола, небольшие по размѣрамъ, однако, достаточные для того, чтобы произвести иллюзію торжественнаго перезвона. До высokaго совершенства доведены переходы свѣта. Картина „Въ саду у Шуйскихъ“ представляетъ блестящій образецъ свѣтовыхъ эффектовъ. Ни въ одномъ театрѣ я не видалъ такого правильнаго распредѣленія свѣта и такой постепенности въ переходахъ. Наконецъ, народныя сцены очень хороши. Слабо показалась мнѣ сцена во дворцѣ, но картина на Лузѣ прямо образцово поставлена. И опять частность: работаютъ топорами плотники, но работаютъ такъ, что, во-первыхъ, это не кажется ненужнымъ и безцѣльнымъ пятномъ, а во-вторыхъ, стукъ топоровъ гармонически рассчитанъ, почти музыкаленъ — ни слишкомъ громко, ни слишкомъ тихо и условенъ.

Всего хорошаго не перечестъ. Вотъ почему, я не считаю себя вправѣ останавливаться на слабomъ и несоотвѣтственномъ. Я всегда пріималъ общее впечатлѣніе, и въ своихъ сужденіяхъ оставался импрессионистомъ. Скажу, въ заключеніе своей замѣтки, что успѣхъ „Царя Ѳеодора“ доказываетъ лишній разъ, что театру Кружка, при тѣхъ средствахъ, какими онъ располагаетъ, нѣтъ никакой нужды гнаться за дешевымъ успѣхомъ. Двѣ дороги ведутъ къ успѣху, короткая и длинная. Слѣдуетъ избрать длинную.

„Ревизоръ“ сыгранъ, и на душѣ у меня такъ смутно, такъ странно“, писалъ Гоголь послѣ перваго представленія „Ревизора“, подавленный несоотвѣтствиемъ того, что выношено было его авторскимъ сознаніемъ, и того, что онъ видѣлъ на сценѣ. Мнѣ думается, что если бы Алексѣй Толстой дожидъ до перваго представленія „Царя Ѳеодора“, въ особенности послѣ такого долгаго промежутка — онъ бы, наоборотъ, унесъ изъ театра чувство полнаго удовлетворенія и убѣжденія, что все, вложенное имъ въ трагедію, въ главнѣйшихъ и основныхъ чертахъ, вѣрно понято и вѣрно истолковано.

„Царь Ѳеодоръ“ сыгранъ, и страннымъ кажется запретъ, лежавшій на этомъ произведеніи. Истинно художественное всегда цензурно. Я становлюсь на точку зрѣнія самаго яраго охранителя нравовъ, основъ общественности, старинны. Все равно. Подобно тому, какъ здоровый и развитый организмъ находитъ въ себѣ самомъ силу противодѣйствія внѣшнимъ неблагоприятнымъ условіямъ, такъ точно въ истинно художественномъ всегда заключена та гармонія, та струя идеалистическаго, такъ сказать, очищенія, которая всякому сюжету и всякому характеру сообщаютъ возвышающую и умиротворяющую полноту впечатлѣнія. Художественное произведеніе никогда не бываетъ проповѣдью и воззваніемъ, побуждающими къ стремительнымъ умозаключеніямъ, — наоборотъ, истинно художественное вызываетъ спокойствіе созерцанія. Ибо „служенье музъ не терпитъ суеты, — прекрасное должно быть величаво“.

Н. пов.

Мое свадебное путешествіе.

(Монологъ).

Что за нелѣпый обычай — свадебныя путешествія! Положимъ, если любишь жену, пріятно освободиться на нѣкоторое время отъ ея мамыши, папаша и другихъ нѣжныхъ родственниковъ. Но увѣряю васъ, въ концѣ концовъ вы ничего не выиграете, замѣняя вашу собственную квартиру вагономъ желѣзной дороги... Я, вѣроятно, предчувствовалъ всю прелесть этой замѣны съ дѣтскихъ лѣтъ, еще тогда, когда изъ всей женской половины чело-вѣчества я обожалъ только мою мать и рябую старую няньку, когда меня занимали только мотыльки и ящерицы. Уже въ то время я пыталъ отвращеніе къ путешествіямъ, инстинктивно придерживаясь мудраго изрѣченія „вездѣ хорошо, а дома лучше“. Я долго оставался твердъ въ моихъ убѣжденіяхъ и постоянно во вкусахъ; но съ той минуты, какъ я увидѣлъ въ первый разъ мою жену, все перепуталось въ моей душѣ. Мнѣ всегда нравились женщины здоровыя и бойкія, а жена моя была дѣвушка блѣдная, болѣзненная и принадлежала къ разряду эфирныхъ созданий. Я никогда не боялся болѣзней, ненавидѣлъ докторовъ, медицину не признавалъ, гигиену считалъ порожденіемъ безсмысленной трусости и не разъ высказывалъ мысль одного остроумнаго нѣмца, предлагавшаго замѣнять аптеки магазинами фруктовъ. Вообще науку я всегда третировалъ свысока. Но съ той поры, какъ я влюбился въ мою эфирную жену, доктора и аптекаря стали моими лучшими друзьями, а сочиненія по медицинѣ и гигиенѣ сдѣлались пріятнѣйшимъ для меня чтеніемъ. Я не пропускалъ ни одной новѣйшей брошюры по медицинѣ или гигиенѣ, думая найти въ нихъ средства для охраненія здоровья болѣзненнаго существа, ставшаго почему-то моему сердцу такъ дорогимъ. Теперь я впервые понялъ великое значеніе науки не только въ области нашего матеріальнаго благосостоянія, но и въ дѣлѣ нашего душевнаго покоя. Научная теорія о наслѣдственности, напримѣръ, не разъ помогала мнѣ усмирить угрызенія моей совѣсти. Возможность нравственную вину за свои дурные поступки свалить на плечи восходящихъ поколѣній — развѣ это не благо? Какое мнѣніе я могъ бы имѣть о самомъ себѣ, если бы у меня не было основаній часть моихъ непривлекательныхъ свойствъ считать наслѣдіемъ моихъ отцовъ? И вообще, что было бы со мною теперь, если бы не эта же благодѣтельная теорія, которая выручила меня въ самую критическую минуту, въ которую я очутился во время моего свадебнаго путешествія, о которомъ я хочу вамъ разсказать. Но начнемъ сначала.

Когда у насъ съ матерью моей невѣсты шли переговоры насчетъ подробностей свадьбы и нашего дальнѣйшаго устройства, я настаивалъ, чтобы мы послѣ вѣнца отправились на мою квартиру, которую я устроилъ по всѣмъ требованіямъ гигиены. Я опирался на основахъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, доказывающихъ какъ дважды два четыре, что люди подвергаютъ себя во время желѣзнодорожныхъ путешествій всякимъ опасностямъ. Я ей приводилъ вычисленія Петенкофера, по которымъ чело-вѣкъ безъ вреда для здоровья можетъ вдохнуть только одну часть углекислаго газа на 1,000 частей чистаго атмосфернаго воздуха... одну часть на тысячу, а все, что превышаетъ эту пропорцію, дѣйствуетъ на него, какъ ядъ. При помощи математическихъ выкладокъ я доказалъ ей, что если къ концу длиннаго пути въ вагонахъ оказываются живые па-

† Повисъ де-Шавинъ за работой.

сажирь, а не ходи мертвя тѣла—такъ это чудо, ко торому надо удивляться. Но всѣ мои въ-скіе доводы были напрасны. Она и слышать не хотѣла о буржуазномъ концѣ нашей романтической идилліи и требовала, чтобы мы отправились въ брачное путешествие и непременно по составленному ею маршруту. Мы должны были почти безъ остановокъ добѣжать до Парижа и тамъ, въ томъ самомъ отелѣ, гдѣ она сама провела „незабвенные“ дни медоваго мѣсяца — расположиться для этой же цѣли.

Моя будущая теща была бы премилая женщина, если не ея сантиментальность. Гдѣ дѣло касалось только ея сантиментальныхъ тенденцій, какъ бы они нелѣпы ни были—она становилась твердой, какъ скала. Ей вдругъ пришла фантазія, чтобы мы провели нашъ медовый мѣсяцъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ она, и ради этого готова была задушить свою единственную дочь углекислотой желѣзнодорожнаго вагона, подвергнуть ее сквознякамъ всѣхъ системъ вентиляцій, заразить ее милліонами бактерий, холерныхъ, тифозныхъ, чахоточныхъ, которые живутъ въ бархатныхъ скамейкахъ купе. Она увѣряла, что препровожденіе времени именно въ этихъ вагонахъ и гостинницахъ намъ принесетъ счастье и мы всю жизнь проживемъ въ такомъ же мирѣ и согласіи, какъ она со своимъ супругомъ. Даже когда я ей показалъ брошюру, которая прямо осуждала свадебные путешествія, считая ихъ убійственно-утомительными для женщины, она только улыбалась и, чувствительно вздыхая, говорила: „Когда ѣдешь съ любимымъ человекомъ, то не замѣчаешь утомленія... Я сама совершила это путешествіе и, какъ видите, совершенно здорова“.

Сказать что нибудь противъ моей будущей тещи—значило явиться въ глазахъ моей невесты извергомъ. Разумѣется, я вовсе не желалъ заслужить раньше времени такую позорную репутацію и, волей неволей, подчинился ея рѣшенію. И вотъ послѣ вѣнца, вмѣсто того, чтобы отправиться на собственную благоустроенную квартиру, гдѣ мы могли бы отдохнуть отъ всѣхъ тревогъ послѣднихъ дней и

безъ свидѣтелей обнять другъ друга, мы принуждены были скакать на вокзалъ, гдѣ насъ ожидала куча родныхъ и друзей для чувствительныхъ проводовъ въ дальній путь.

Вначалѣ, въ вагонѣ, въ который насъ помѣстили заботливые родители, было сравнительно мало народа, но пока мы изъ открытаго окна обмѣнивались прощальными привѣтствіями съ провожавшими насъ, вагонъ переполнился пассажирами. Я началъ протестовать, звать кондуктора, но, извѣстно, что эти господа имѣютъ исключительное свойство отсутствовать, когда въ нихъ нуждаются, и являться тогда, когда охотно послашь бы ихъ къ чорту. Въ ту минуту, когда я намѣревался бѣжать къ начальнику станціи, раздался третій звонокъ, выросшій точно какъ изъ-подъ земли кондукторъ рѣшительно захлопнулъ дверцы вагона и поѣздъ тронулся. Моя жена безразсудно высунулась почти всѣмъ корпусомъ изъ окна, лоя чью-то протянутую къ ней руку, кивала головой, махала батистовымъ, уже совершенно мокрымъ отъ слезъ платочкомъ. Я за ея спиной продолжалъ всѣ подобающіе въ этомъ случаѣ жесты: махалъ шляпой по воздуху, кивалъ головой и, кажется, чуть не посылалъ воздушные поцѣлуи... съ выраженіемъ лица, вѣроятно, мало соответствовавшимъ всѣмъ этимъ движеніямъ. Мнѣ хотѣлось скорѣе прекратить эти проводы, которые казались мнѣ безконечными, мнѣ хотѣлось освободиться отъ всѣхъ этихъ людей, овладѣвшихъ вниманіемъ моей жены. Наконецъ, поѣздъ тронулся и толпа провожавшихъ насъ лицъ, махавшихъ вамъ шляпами и платками скрылась въ густыхъ клубахъ дыма локомотива. Вскорѣ исчезли также послѣднія строенія Петербурга. Въ этомъ городѣ я покидалъ свою квартиру, въ которой намъ было бы такъ хорошо, въ которой я могъ бы, не боясь внезапнаго вторженія кого бы то ни было, обнять мою дорогую жену, сказать ей... рассказать ей... высказать ей, какъ переполнено мое сердце... А тутъ... я даже не могъ пожать ей руку! Какъ разъ противъ васъ расположилась внушительнаго вида дама съ дочкой-подросткомъ, которая все время тарасила на насъ глаза.

Нѣкоторые пассажиры въ сосѣднихъ отдѣленіяхъ, несмотря на подвѣшійся туманъ и на вечернюю пору, не согласились закрыть окна и мнѣ пришлось вступить съ ними въ непріятный разговоръ, который привелъ только къ тому, что жена моя почему-то сочла меня грубияномъ и просила немедленно прекратить объясненія.

— Развѣ можно такъ говорить... такъ грубо? зашѣтила она сурово.—Мнѣ же холодно, оставьте.

При этомъ у нея было лицо точь въ точь какъ у ея матери въ моментъ, когда она отстаивала какіе нибудь свои „принципы“, и я невольно долженъ былъ сложить оружіе и постыдно отступить. Чтобы защитить жену отъ холода, я принялся укутывать пледомъ ея ножки, но она быстро отстранила меня, не дозволить и прикоснуться къ себѣ. При всякомъ моемъ желаніи оказать ей подобное вниманіе, я встрѣчалъ ея укоризненный взглядъ, переходившій отъ меня къ нашему визави, и краснорѣчиво говорившій: „какъ не стыдно при чужихъ и еще при дѣвочкѣ“...

Чтобы освободиться отъ дамы и ея дочки, не свидѣвшей съ насъ пытливыхъ глазъ, я рѣшилъ занять мѣсто въ другомъ отдѣленіи, гдѣ на одномъ изъ дивановъ спалъ безмятежнымъ сномъ молодой человекъ въ непривужденной позѣ, съ туфлями на ногахъ, разстегнутымъ воротомъ и мягкой шапочкой на головѣ. Я предпочиталъ сосѣдство спящаго молодого человѣка съ разстегнутымъ воротомъ застег-

нутой на всѣ петли, но вытянутой въ струнку и бодрствующей дамѣ и ея дочери съ широко раскрытыми, направленными на насъ глазами. Но жена моя была иного мѣтлѣя, замѣтивъ маѣ, что молодой человѣкъ, вѣдь, можетъ и проснуться. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ поручиться, чтобы онъ, проснувшись и увидѣвъ сосѣдство хорошенькой женщины, захотѣлъ немедленно снова погрузиться въ сонъ. Мы остались на прежнемъ мѣстѣ.

Жена моя сама укуталась въ пледъ и склонилась на подушку съ явнымъ намѣреніемъ заснуть. Я отодвинулся, чтобы дать ей возможность улечься поудобнѣе. Она закрыла глаза, но, очевидно, не спала, потому что вслѣдъ за тѣмъ, какъ я пытался поправить сдвинувшійся пледъ или соскользнувшую съ дивана подушку, она вздрагивала и мягко, но рѣшительно отстраняла меня рукой. Противъ меня, точно два фантома, сидѣли мать и дочь. Я прижался къ противоположному углу дивана и предался горькому раздумью. Со дна моей души всплыли такіе мятежные чувства, испытывать которые я до сихъ поръ не считалъ себя способнымъ. Въ умѣ моемъ бродили злодѣйскія жюзи противъ общественныхъ и семейныхъ основъ. Я негодовалъ противъ родительскихъ правъ вмѣшиваться въ дѣла двухъ любящихъ сердецъ. Если бы люди подлежали ответственности за мысли, я могъ бы подвергнуться строжайшему наказанію и ни одинъ судъ не оказалъ бы мнѣ снисхожденія. Я былъ возмущенъ до ярости противъ моей милой тещи за нелѣпный планъ—послать насъ искать счастья за тридевять земель, когда оно намъ улыбалось на Фурштатской улицѣ въ городѣ, гдѣ я родился, полюбилъ ея дочь и обвѣнчался съ ней...

Я провелъ тяжелую ночь. Только подъ самое утро я на мгновенье забылся. Когда я проснулся, нашихъ визави, т. е. матеря съ дочерью, дѣйствовавшихъ на меня, какъ кошмаръ, уже не было.

Теперь, думалъ я съ облегченнымъ сердцемъ, мнѣ удастся поговорить съ моей женой на свободѣ и по душѣ, сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, можетъ быть, даже и обнять ее. Мнѣ хотѣлось это сдѣлать сейчасъ же, но теперь она уже спала, и такъ сладко, что мнѣ жаль было ее тревожить. Я долго просидѣлъ неподвижно, боясь пошевелиться, боясь разбудить ее, не сводя съ нея глазъ и готовясь встрѣтить ея первый взглядъ, съ трепетомъ мечтая провести съ ней хоть четверть часа безъ назойливыхъ свидѣтелей. Но изъ этой моей мечтѣ не суждено было осуществиться... Въ вагонъ вошелъ старый господинъ, который, оглядѣвъ своими тусклыми глазами всѣхъ пассажировъ, устлѣлся противъ насъ, на мѣсто зашнурованной дамы и ея дочери. Лишь только онъ расположился противъ насъ со своими пледами и чемоданами, какъ принялся кашлять, кряхтѣть и сопѣть. На каждой станціи появлялся его слуга, который приносилъ ему всевозможныя лекарства: въ видѣ порошковъ, капель и микстуры. Господинъ этотъ направлялся въ теплые края—лечить свой хроническій бронхитъ, какъ онъ называлъ свою застарѣлую чахотку, въ надеждѣ найти подъ солнцемъ юга облегченіе, но мнѣ было ясно, что очень скоро онъ принужденъ будетъ отправиться туда, откуда никто не возвращается, заразивъ чахоточными бактеріями вагонъ и всѣхъ сидящихъ въ немъ. Я пришелъ въ раздраженіе и ужасъ.

Лицо мое, вѣроятно, не предвѣщало ничего хорошаго, потому что жена, проснувшись и взглянувъ на меня, тревожно спросила, что со мной.

— Со мною ничего, отвѣтилъ я,—но на слѣдующей станціи мы выходимъ изъ этого вагона.

— Почему это?

— Такъ надо, сказалъ я, рѣшившись на этотъ разъ поступать твердо.

— Почему? здѣсь удобно.

— Это—все равно, отрѣзалъ я, возмущенный неожиданнымъ сопротивленіемъ жены,—мы перейдемъ въ другой вагонъ; здѣсь сидѣть опасно для тебя,—прибавилъ я шепотомъ, взглядомъ указавъ на нашего сосѣда.

Не знаю, что съ ней сдѣлалось, не понравился ли ей мой рѣшительный тонъ или что нибудь другое, но она отвернулась отъ меня.

— Я остаюсь здѣсь, сказала она, глядя въ окно.

Мы остались. Къ довершенію всего, черезъ нѣкоторое время жена моя познакомилась съ чахоточнымъ старикомъ и принялась за нимъ ухаживать съ усердіемъ сидѣлки и съ легкомысліемъ, приводившимъ меня въ отчаяніе. Но я молчалъ... Я не могъ больше ничего говорить. Я чувствовалъ себя не хорошо. Въ женѣ своей я замѣчалъ упрямство неразвитыхъ женщинъ, точь въ точь такое же, какъ у тещи, совершенное нежеланіе постигать мои лучшіе намѣренія и даже какое-то для меня обидное равнодушіе, цѣль, болѣе... какое-то презрѣніе ко мнѣ... Положительно такъ. Вы можете судить насколько пріятно замѣчать оттѣнокъ этого чувства въ глазахъ женщины, предъ которой вы еще такъ недавно стояли на пьедесталѣ романтическаго героя. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, непріятности слѣдовали одна за другой... Въ нашемъ вагонѣ вдругъ помѣстилась цѣлая семья, съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ отъ восемнадцати лѣтъ до грудного младенца включительно. Изъ-за коклюша дѣтей нельзя было открывать оконъ, и мы задыхались. Кондуктора, на мои требованія отвести намъ другое купе, отвѣчали, что никакихъ больше купе не имѣется, и просили меня не беспокоить ихъ неосновательными претензіями... Буфеты оказались отвратительными. Блюда подавались подъ соусами, заготовленными, казалось, за цѣлый мѣсяцъ впередъ... Я былъ крайне раздраженъ, а жена моя становилась все болѣе и болѣе сосредоточенной и явно сторонилась меня.

И. Гриневская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ламайскій театръ.

(Окончаніе*).

Содержаніе тибетскихъ драмъ или пантомимъ беретъ преимущественно изъ тибетской исторіи. Особенно излюбленными мотивами драмы служатъ различные моменты изъ жизни королей, ихъ путешествія по разнымъ странамъ, различныя злоключенія и т. д. На сцену выбѣгаютъ актеры, пестро изукрашенные длинными лентами или въ одѣяннѣхъ расписанныхъ на подобіе скелета. Маски ихъ по истинѣ ужасны. Челюсти акулы смѣниваются здѣсь съ густою порослью орангутанга и огромными выпученными глазами. Пляска этихъ уродовъ невольно напоминаетъ средневѣковую „пляску мертвыхъ“ и параллели между тибетскою драмой и европейскими мистеріями на-

*) См. № 41.

Маска добраго гения.

прашивается сама собою. Эти танцы, происходящіе подъ заунывную роговую музыку, которой вторит мрачный тамъ-тамъ, начинаютъ спектакль и заключаютъ собою первую, такъ сказать, свѣтскую часть представлѣнія.

Вторая часть представлѣнія—религіозная. Здѣсь и начинается, собственно говоря, драма. Цѣлая толпа добрыхъ и злыхъ гениевъ сопровождаетъ царя или другого героя драмы на его жизненномъ пути, символируя собою всѣ жизненные удачи и неудачи и пѣсколько напоминая собою античныя трагедіи. Что касается до героя, то онъ служитъ только удобнымъ орудіемъ въ рукахъ автора, который пробиваетъ имъ себѣ дорогу въ понятіяхъ публики, требуя отъ него только одного—безлѣнія. Въ этомъ заключается существенное различіе тибетскаго театра отъ индійскаго, гдѣ, какъ извѣстно, страсти героя играютъ главную роль, а всѣ остальные дѣйствующія лица занимаютъ мѣсто, вродѣ хора въ древней трагедіи. Но вернемся къ представлѣнію. Вторая часть его (главная) начинается также танцами и танцы проходятъ черезъ всю пьесу, внося много оживленія и разнообразія въ это зрѣлище. Демоны смѣняются демонами, это совершенно то же самое, что въ живописи „blanc et noir“—сначала прилетаетъ цѣлое полчище злыхъ гениевъ, которые прицепляютъ герою всякія злодѣянія, ставятъ ему преграды, издѣваются надъ нимъ; затѣмъ проносятся легіоны добрыхъ духовъ, которыя одаряютъ пострадавшаго всѣми благами, спѣшатъ его утѣшить и заставить позабыть бывшія огорченія. Въ этомъ и кроется вся религіозная суть драмы,

Духъ за Лу-ханъ.

понятная для каждаго ламайца, который привыкъ брать отъ своихъ боговъ то, что они даютъ и не руководится никакими соображеніями на счетъ будущихъ благъ. Фатализмъ вообще свойственъ малайской натурѣ. Здѣсь на почвѣ, богато одаренной всѣми благами неба, среди полнаго простора стихій, ламаицы возвели божественный произволъ въ особый культъ, отразившійся въ ихъ драмахъ. Курьезно, что народъ, этотъ вообще мало считающійся съ вѣковыми традиціями, еще зорко бережетъ эту часть своихъ драмъ, отчего и можно заключить, что взглядъ ламаицевъ на театръ напоминаетъ религіозныя воззрѣнія среднихъ вѣковъ на мистеріи.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

† Пьеръ Пюви де-Шаваннъ (Puis de Chavannes). Существуетъ прекрасная католическая легенда о клирикѣ церкви св. Агнессы — Валентинѣ, котораго полюбила святая за его воздержаніе и вѣрную службу ей. Теперь, когда телеграфъ принесъ извѣстіе о кончинѣ извѣстнаго французскаго художника Пюви де-Шаванна, вспоминается эта легенда по ассоціаціи идей. Пюви де-Шаваннъ былъ типичнымъ клирикомъ въ искусствѣ, съ тою только разницею, что его патроновской была св. Женевиѣва, житіе которой онъ вдохновенно изобразилъ въ цѣломъ рядѣ картинъ. «Жизнь св. Женевиѣвы» — лучшая изъ его работъ, которой украсенъ парижскій Пантеонъ.

Пюви де-Шаваннъ былъ оригинальнѣйшимъ художникомъ нашего времени, оставаясь добрымъ служителемъ прекраснаго. Символистъ по своему направленію, или, какъ говорятъ художники, по «школѣ», Пюви де-Шаваннъ былъ символистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ никогда не затемнялъ внутренняго смысла своихъ картинъ. Напротивъ того: онъ старался быть прежде всего яснымъ, — яснымъ, во что бы то ни стало. Оттого отъ его полотенъ порою такъ и вѣетъ дѣтской наивною, соединенной съ рѣдкимъ мастерствомъ кисти.

Вотъ эта то наивность и привлекла главнымъ образомъ къ художнику симпатіи зрителей. Пюви де-Шаваннъ былъ въ то же время искреннимъ мистикомъ. Въ началѣ своей художественной дѣятельности, въ 1865 году, онъ написалъ для амьенскаго музея символическое изображеніе сельской жизни въ Пикардіи съ надписью «Ave Picardia nutrix!» Въ этой картинѣ онъ трактовалъ свою тему съ удивительнымъ умѣньемъ. Фигуры, имъ данныя, полны благородства, что не мѣшаетъ, однако, жизненности образовъ. Колоритъ чрезвычайно сильный, свѣтлый, полный фресковыхъ тоновъ. Но краски у него не ярки, какъ бы подернуты мглой. Моделировка живого тѣла недостаточно сильна, порою замѣчается слабость рисунка и излишняя рѣзкость контуровъ. Но, тѣмъ не менѣе, картина полна изящества и художественной красоты.

Во всѣхъ своихъ картинахъ Пюви де-Шаваннъ является крупнымъ лирикомъ: онѣ полны поэзіи и особой вдумчивой красоты.

Въ Стокгольмѣ открылся королевскій оперный театръ. Королевскимъ онъ называется лишь потому, что казна и самъ король оказываютъ ему значительную денежную поддержку. Постройка его обошлась въ 5 милліоновъ кронъ, собранныхъ частью учрежденіемъ товарищества, частью же посредствомъ лотереи. Театръ заключаетъ 1.240 мѣстъ, изъ которыхъ 395 приходится на партеръ.

Любопытно, что въ день открытія всѣ билеты продавались путемъ аукціона, который продолжался 6 часовъ и далъ выручку около 25.000 марокъ.

Падуанскій композиторъ Тессаро пишетъ оперу на сюжетъ жизни и дѣятельности богемскаго реформатора Іоанна Гуса. Опера, какъ говорятъ, весьма богатая епеническими эффектами, пойдетъ въ первый разъ въ Тревизо.

Гергардъ Гауптманъ написалъ новую пьесу «Der Fuhrmann»; дѣйствіе драмы происходитъ на родинѣ драматурга, въ Силевіи. Написана она на мѣстномъ нарѣчій. Содержание пьесы слѣдующее: жена героя умираетъ и беретъ отъ мужа клятву, что онъ не женится на Магдѣ. Но онъ все-таки сходится съ дѣвушкой, и даже принимаетъ прижитого ею незаконнаго ребенка. Только его новая подруга плохо вознаграждаетъ его за любовь и довольно благосклонно выслушиваетъ любезности другихъ мужчинъ. Съ горя герой кончаетъ самоубійствомъ—вѣшается.

Молодой норвежскій композиторъ Гастоль Борхъ, ученикъ Массенэ, написалъ одноактную оперу «Сильвіо», составляющую продолженіе къ «Cavalleria rusticana». Сильвіо, сынъ Лолы и Турриду, влюбляется въ Граціеллу, дочь Лолы и Альфіо. Сильвіо, однако, долженъ отомстить за смерть отца, заколотого Альфіо; онъ убиваетъ его, а Граціелла, узнавъ, что она сестра своего возлюбленнаго, сходится съ ума.

Въ Лондонѣ начался сезонъ великосвѣтскихъ концертовъ. Въ Сентъ-Джемсъ-салонѣ состоялся первый концертъ русскаго пианиста Владиміра Шахмана. Залъ былъ переполненъ публикою и встрѣча артиста была самая сердечная. Въ программахъ стояли исключительно произведенія русскіхъ композиторовъ; публика относилась къ нимъ съ большимъ интересомъ и послѣ каждого номера награждала исполнителя шумными аплодисментами.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ. Въ прошлой корреспонденціи я, на основаніи первыхъ впечатлѣній, высказался о труппѣ въ довольно благопріятной формѣ. Теперь, когда разнообразіе поставленныхъ пьесъ дало возможность артистамъ развернуться и показать свои силы и способности, приходится лишь съ чувствомъ удовольствія повторить сказанное. Правда, нелегко мѣстнымъ дѣятелямъ сцены бороться съ предвзятостью театальной публики и строгостью сужденій мѣстной прессы, однако усилія дирекціи надо полагать, не пропали даромъ: не сегодня—завтра театръ съумѣетъ снискать расположеніе, такъ сказать, обратитъ гнѣвъ на милость. А усилія дирекціи замѣтны. Они сказываются и въ постановкѣ новинки, и въ пополненіи труппы, и улучшеніи обстановочной части. Необходимо однако всего больше заботиться объ интересномъ и здоровомъ репертуарѣ. Талантливыя пьесы даютъ и артистамъ нѣкоторый подъѣмъ силъ, а слушая умную пьесу, въ гладкомъ исполненіи, публика съ неослабимымъ вниманіемъ слѣдитъ за развитіемъ дѣйствія и выноситъ болѣе цѣльное впечатлѣніе объ исполненіи. Умно и талантливо написанныя пьесы, по моему, облегчаютъ артистамъ бороться и съ равнодушіемъ публики, вотъ почему я и счелъ нужнымъ обратиться на это вниманіе дирекціи, которой не легко даются первые шаги въ нынѣшнемъ сезонѣ. Поставленные за отчетное время пьесы: «Соломонія и Елена» (2 раза), «На жизненномъ пиру», «Уріэль Акоста», «Жизнь Ильинова», «Безчестными не родятся», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» и «Гибель Содома» въ общемъ привлекли не много публики. Посѣщались сносно «Соломонія и Елена» и «Гибель Содома»; причиной тому отчасти праздничные дни ихъ постановки, отчасти и интересъ къ достоинствамъ этихъ пьесъ. Наиболѣе выгодное впечатлѣніе оставило стройное исполненіе пьесы Зудермана «Гибель Содома», гдѣ труппа доказала публикѣ присутствіе вполне приличныхъ силъ для приличнаго ансамбля. Аду Баршиновскую играла Саблина-Дольская, ея племянницу Китти—Андросова, Клерхень—Дальская, Вилли Яниковъ—Карамзозовъ и Крамера—Тройницкій. Всѣ они дали вѣрные и реальныя образы; особенно ярко проведена роль честнаго и неуклюжаго Крамера Тройницкимъ. Этотъ актеръ составляетъ хорошее пріобрѣтеніе для ролей характерныхъ. Къ сожалѣнію, артистъ беретъ также за исполненіе ролей героев и, надо сказать, совершенно напрасно, ибо въ нихъ онъ обнаруживаетъ отрицательныя данныя своего голоса и внѣшности, которыя въ исполненіи ролей характерныхъ, пожалуй, даже способствуютъ его успѣху. Я имѣю въ виду его исполненіе роли Василия Ш въ пьесѣ «Соломонія и Елена», гдѣ заключительная сцена

смерти Василия приводила зрителей въ комическое настроеніе. За то роль Соломоніи была проведена Саблиной Дольской чрезвычайно сильно. Артистка обнаружила недожженный талантъ въ передачѣ сильно драматическихъ моментовъ и вызвала общія рукоплесканія, особенно послѣ сцены развѣнчиванія Соломоніи Бѣдно было исполненіе роли Елены—Андросовой. Пьеса «На жизненномъ пиру» получила интересъ, только благодаря трогательной передачѣ роли несчастнаго Хотнева Соболевскимъ-Самаринымъ. Двѣ роли: барона и лжеца, дающія богатый матеріалъ даровитымъ исполнителямъ, въ исполненіи Шатова и Короткевича не получили яркаго освѣщенія, роль барона исполнена даже въ водевильномъ вкусѣ. Приглашенный вмѣсто Лавровскаго на роли героев и искушенныхъ любовниковъ артистъ Карамзозовъ выбралъ для своего перваго дебюта «Уріэля Акосту». Артиста вызывали послѣ сцены отреченія, публики было немного. Объ Андросовой долженъ повторить уже сказанное: правдивое, искреннее исполненіе, которому подчасъ не хватаетъ силы, яркости и голоса. Очень недуренъ комикъ Разсудовъ. Онъ умѣетъ гримироваться и вносить разнообразіе въ свое исполненіе, но его комизмъ нѣсколько сухой, сдержанный, а голосъ недостаточно гибкій. Лучшая изъ доселѣ игранныхъ имъ ролей—роль пьяницы мужа прачки въ «Злой ямѣ».

Дальская—очень молодая и милая актриса. Особенно удивляются ей роли наивныхъ. Артистѣ предстоитъ еще очень много и серьезно поработать. Славянской слѣдовало бы совершенно оставить водевили съ пѣніемъ, ибо пѣніе ей не по плечу.

Остается сказать нѣсколько словъ оирицанію по адресу суфлера, который бываетъ иногда не въ мѣру усерденъ; его голосъ, хоть и не лишенный пріятности, далеко разносится по зрительной залѣ, возбуждая подозрѣніе, что въ его услугахъ сильно нуждаются исполнители. Намъ же думается, что онъ усердствуетъ—просто ad maiorem Dei gloriam. Д.

САРАТОВЪ. Репертуаръ истекшихъ двухъ недѣль (съ 24-го сентября по 5 октября) отличался большимъ разнообразіемъ: «Соколы и вороны» чередовались съ «Гамлетомъ», послѣ «Смерти Ивана Грознаго» шла «Злая яма», «Татьянѣ Рѣпиной» предшествовала «Кинъ». Кроме того поставлены: «Волшебная сказка» г. Потапенка, «Ивановъ» г. Чехова, «Миражи» г. жи Вержбицкой, «Царь Борисъ», «Уріэль Акоста», «Эрнани», и другія сильныя и не сильныя пьесы, вроде «Общество поощренія скуки». Наибольшіе сборы доставили товариществу г. Бородая «Кинъ» и «Царь Борисъ». При незначительномъ собраніи зрителей прошелъ «Эрнани», хотя вниманію саратовцевъ онъ былъ предложенъ въ первый разъ. Заглавную роль исполнялъ г. Агаревъ. Я не принадлежу къ числу поклонниковъ этого артиста и не могу присоединиться къ радужному пріему, оказанному г. Агареву петербургскою публикой на трехъ спектакляхъ въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка. Три спектакля значить немного и во всякомъ случаѣ въ теченіе 2—3-хъ сезоновъ мы могли болѣе основательно ознакомиться съ г. Агаревымъ. Несомнѣнно, это—артистъ опытный и нелишенный искренняго вдохновенія, но, вообще говоря, онъ недостаточно проникнутъ чувствомъ мѣры и нѣрѣдко злоупотребляетъ эффектами. Конечно, и солнце не безъ пятенъ. Но есть недостатки, который неустраиваютъ: съ нѣжнымъ теноромъ (tenore di grazia, —какъ говорить объ оперныхъ) нельзя хорошо изображать сильныхъ людей, *героическаго* Акосту, Гамлета, Эрнани. Гамлета г. Агареву просто невозможно играть. Въ Эрнани, однако, артистъ заслуживаетъ похвалы за сцены, гдѣ требовался лиризмъ, а не драматизмъ, т. е. въ сценахъ съ донной Соля, которую не безъ теплаго чувства играла г-жа Агарева Инсарова. Молодой артистъ г. Соколовъ въ Донъ-Карлосѣ намъ очень понравился; въ немъ видна вдумчивость, серьезность и нежеланіе дѣлать себѣ успѣхъ дешевыми воздѣйствіями на «верхнюю» публику. Это артистъ, какъ мы думаемъ, съ солиднымъ будущимъ. Пріятный, мужественный, красивый голосъ даетъ г. Соколову возможность избѣгать рѣзкихъ выкриковъ въ драматическихъ моментахъ. Де-Сильву игралъ г. Соколовскій. Эту роль долженъ бы прекрасно исполнить г. Каширинъ, но, по какимъ-то обстоятельствамъ, ее поручили г. Соколовскому, и тоже не безъ успѣха. Добросовѣстный и умный исполнитель, даровитый актеръ г. Соколовскій, сумѣлъ выйти изъ затрудненій. Кстати два слова о г. Каширинѣ. Онъ подвизается у насъ, кажется, четыре сезона, съ перерывомъ въ одинъ годъ, и, слѣдовательно, наша публика знаетъ его прекрасно. Но сказать такъ—этого мало; надо прибавить, что она и высоко цѣнитъ его. Широкое дарованіе, охватывающее различныя роли отъ бытоваго ампула до сильныхъ героев: онъ прекрасно играетъ Никиту во «Власти тьмы» и сумбатовскаго джентльмена, съ глубокой вдумчивостью изображаетъ Кина и Франца Моора, и тутъ же рядомъ великолѣпно сыграетъ вамъ Барбашева въ цесѣ Островскаго и чеховскаго Иванова. Короткими словами можно сказать такъ: г. Каширинъ всегда правдивъ, реаленъ, всегда очерчиваетъ типъ, характеръ и даетъ ему *жизненное* воплощеніе. Этотъ талантливый и удивительно-симпатичный артистъ умѣетъ всякой роли придать что-то свое, оригинальное; освѣтить ее, такъ сказать, съ другой стороны, чѣмъ это удавалось его предшественникамъ. Его паузы, заполненные выразительной

мимикой, безукоризненно жизненны; его простая, свободная речь проникнута чувством и на техъ, кто понимаетъ, производитъ сильное впечатлѣніе. Превосходный артистъ! — можемъ сказать смѣло. Саратовцы его очень любятъ и, по моему, это дѣлаетъ честь ихъ художественному чутью.

Безъ надлежащаго ансамбля у насъ прошли «Общество поощренія скуки», «Амлетъ» и нѣкоторыя мелкія вещи веселаго характера. «Эрнани» поставленъ очень удачно; «Соколы и вороны» (въ которыхъ отлично играли г-жи Свободина, Шебуева, Голубева, гг. Неждановъ, Соколовъ, Рюминъ и Соколовскій) тоже могутъ похвалиться счастливымъ распределеніемъ ролей, и особенно — «Злая яма», гдѣ гг. Шебуева и Неждановъ, отчасти г-жи Голубева, Инсарова и Гондатти вызываютъ взрывы рукоплесканій. Въ «Татьянѣ Рѣпиной» большой успѣхъ выпадаетъ на долю исполнительницы заглавной роли, г-жи Свободиной. Съ чувствомъ мѣры и такти, эта умная артистка играетъ все, за что берется и Рѣпина — одна изъ лучшихъ ролей въ ея репертуарѣ.

По праздникамъ товарищество ставитъ утренніе спектакли по цѣлымъ почти народнаго театра, и спектакли эти почти всегда идутъ при полномъ зрительномъ залѣ.

Въ народномъ театрѣ продолжались и теперь закончились гастроли г. Любского. Артисту, поставившему крестъ на своей карьерѣ, не хватило силы въ Шейлокѣ и въ Францѣ Моорѣ, но Любимъ Торцовъ прошелъ прекрасно. Въ промежуткѣ между гастрольными спектаклями возобновили «Комика XVII столѣтія» Островскаго и разыграли его довольно дружно.

Сборы въ городскомъ театрѣ слабоваты, въ народномъ театрѣ удовлетворительны. Конечно, тутъ играетъ роль не исполненіе, которое, въ народномъ театрѣ разумѣется, неизмѣримо слабѣе, чѣмъ въ городскомъ, а дешевизна платы за мѣста.

Постройки.

PS. Считаю долгомъ исправить ошибку. Товарищество г. Борода зарекомендовало за первый полумѣсяцъ не 34, а 15 коп. вмѣсто требующихся 50 к. Это чистаго сбора. Валовой же сборъ достигалъ цифры, неточно указанной по отношенію къ чистой выручкѣ.

КІЕВЪ. Новый театр «домостроительнаго общества», въ которомъ съ одиннадцатаго октябрия начинаются спектакли драматической труппы Н. Н. Соловцова совершенно законченъ. По изиществу архитектуры, художественной отделки, по удобствамъ для публики и артистовъ, а также по безопасности въ пожарномъ отношеніи «новый театр» можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ театровъ въ Россіи. Площадь (Николаевская), на которой построенъ этотъ театръ (по проекту инженера Шлейфера), очень обширна и не стѣснена зданиями. Снаружи театръ кажется не большимъ, но внутри онъ громаденъ. Зрительный вѣщаетъ въ себѣ «новый театръ» 1,200 человѣкъ. Фасадъ здания выстроенъ въ «ново-греческомъ» стилѣ. Средины часть фасада имѣетъ два этажа въ первомъ вестибюлѣ, а во второмъ — фойе. Въ вестибюлѣ находится касса. Фойе въ два свѣта. На потолкахъ и стѣнахъ скульптурныя и художественныя работы. Окрашено фойе подъ равноцвѣтный мраморъ. По бокамъ находятся два зала. Далѣе курительный залъ и дамская уборная. Для купоновъ и галлрей имѣется особый буфетъ и курительный залъ въ 4 ярусѣ. Всѣхъ ярусовъ — четыре. Въ нижнихъ трехъ противъ сцены находятся балконы, а по крайнѣ близки сцены — три литерныхъ ложи; остальное пространство между ними занимаютъ нумерныя ложи. Въ 4 ярусѣ противъ сцены находятся купоны, а по бокамъ галлерей. Литерныя ложи имѣютъ самостоятельный выходъ на улицу. Зрительный залъ отделанъ въ стилѣ «рококо». Фонъ палевый. На потолкѣ находится панно въ видѣ трехъ вѣровъ. Что касается сцены, то она очень обширна: въ глубину 29 аршинъ и въ ширину 27 арш. Это даетъ возможность ставить самыя грандіозныя обстановочныя пьесы. Отъ уборныхъ сцена совершенно изолирована капитальной стѣной и большимъ корридормъ. Въ пожарномъ отношеніи театръ совершенно безопасенъ; имѣется до 30 выходовъ. Галлерей и купоны имѣютъ свои особые выходы и входы съ улицы. Отопленіе паровое. Обстановка театра и зрительной залы роскошная. Въ партерѣ откидныя сидѣнія. Каждое кресло партера и балконовъ имѣетъ при себѣ въ особомъ футлярѣ по биноклю. Въ ложахъ биноклей полагается два. Всѣ декорации новыя; писаны художникомъ Садовниковымъ. Передняя занавѣсь работы художника Реджио. Приобрѣтены новая мебель, ковры, драпри и всѣ аксесуары, что обошлось около 5 тыс. рублей.

Съ 6 марта по 2 мая 1899 года въ «Новомъ театрѣ» будетъ играть харьковская труппа кн. А. А. Церетели, съ 4 по 20 мая — нѣмецкая оперетка подъ дирекціей Шульца. Въ театрѣ Бергове на сѣнзу теперешней оперной харьковской труппы пріѣдетъ малорусская труппа г. Саксаганскаго (съ 1 ноября).

Въ Крещатисткомъ концертномъ залѣ съ 13 октябрия начнутся спектакли малорусской труппы Вячеслава Цотапенко.

Оперная труппа князя А. А. Церетели недавно пополнилась новымъ теноромъ, любящимъ кievляны — А. Ф. Филиппи-Мышуга. Пѣвецъ выступалъ въ роли Фауста. Аудиторія довольно сухо встрѣтила г. Мышугу, голосъ котораго замѣтно поддавался вліянію времени. Второй дебютъ состоялся въ «Евге-

ній Ойгинѣ». И на этотъ разъ г. Мышуга успѣха не имѣлъ. Во время третьяго дебюта въ «Трубадурѣ» артисту поднесли вѣнокъ «отъ поклонниковъ». 6 сентября въ партіи Татьяны выступила г. Лубковская. Публика горячо принимала свою старую любимицу. Вызываемъ не было конца. Готовится къ постановкѣ «Андрѣ Шень» музыка Массне.

10 октябрия состоялось торжественное освященіе новаго театра домостроительнаго общества.

Послѣ торжества освященія, происходившаго въ роскошно декорированномъ фойе бель-этажа, директоромъ театра Н. Н. Соловцовымъ было предложено гостямъ панинское; нѣкоторымъ изъ присутствующихъ были провозглашены тосты; помощникъ командующаго войсками кievскаго округа генералъ-отъ-инфантеріи А. И. Косицъ поднялъ тостъ за процвѣтаніе искусства; артистъ Недѣлинъ отъ имени всей драматической труппы привѣтствовалъ Н. Н. Соловцова хлѣбомъ-солью и пожелаемъ, чтобы въ новомъ театрѣ были всегда и соль... и хлѣбъ.

Труппа въ этомъ сезонѣ «подкрѣпилась» новыми солидными силами — г-жами Пасхаловой, Немировичъ, гг. Недѣлинымъ и Степановымъ; по своему вышнѣшему составу кievская драматическая сцена, возможно полагать, займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду русскихъ драматическихъ театровъ.

Сезонъ открылся 11-го октябрия галл-спектаклемъ; въ началѣ былъ поставленъ «Прологъ», написанный А. Френкелемъ специально на открытіе новаго театра, музыку написалъ г. Прибицъ. Въ «Прологѣ» г-жа Пасхалова изображала богиню драмы, г-жа Немировичъ — богиню музыки, г-жа Глѣбова — «Кіевъ». Затѣмъ были разыграны 2-ой актъ изъ «Горе отъ ума», 3-ой актъ изъ «Ревизора» и «Пиръ» изъ Русской свадьбы.

Съ 1-го октябрия началъ выходить въ Кіевѣ «Справочный Указатель». Издателемъ этого «музыкальнаго, театральнаго и справочнаго» органа состоитъ г. Бубликъ, редакторомъ г. Тупица. Фамилія анекдотическая, тѣмъ не менѣе пока газета издается ежедневно.

ХАРЬКОВЪ. 21-го состоялся 2-й дебютъ г. Сарматова въ «Горе отъ ума». Исполненіе имъ роли Чацкого носитъ характеръ приходящей декламации. Въ финальномъ монологѣ г. Сарматовъ удостоился шумныхъ овацій. Знаніе ролей у насъ сильно хромаетъ. Я убѣжденъ, что г. Петипа и г-жа Дитпроба объ закладъ пошли, кто изъ нихъ при худшемъ знаніи ролей лучше будетъ играть... Первый черпаетъ смѣлость и мужество въ гордомъ сознаніи Зевса, а г-жа Дитпроба? Третій дебютъ г. Сарматова — «Товариство и любовь». Фердинандъ въ исполненіи г. Сарматова потерялъ красоту духа, прелесть восторженной души и нѣкоторую меланхоличность германскаго юноши. Г. Сарматовъ казался намъ просто чистымъ и смѣлымъ маіоромъ, презирающимъ зло и насиліе, и ничто въ его исполненіи не соответствовало словамъ: «Я германскій юпоши», который, кстати сказать, онъ проглотилъ, уходя уже со сцены. Роль леди Мильфордъ должно отнести къ самымъ лучшимъ въ исполненіи г-жи Строевой-Соколовской. Г-жа Велизарій въ роли Луизы была бы очень хороша, если бы больше задушевности и больше заботы о Фердинандѣ, чѣмъ о себѣ.

Г. Строитель выступилъ въ роли президента. Это недурной артистъ для ролей съ широкими шароварами, русской блузой и высокими сапогами. Костюмы же роли и вообще роли «благородныхъ отцовъ» рѣшительно не по немъ. Лучшаго исполнителя Вурма, какъ г. Павленковъ, трудно себѣ представить: и «могилая тишина л.ца», и плутовство, и холодная увѣренность въ мѣфистофельскихъ затѣяхъ, — все у него прекрасно.

А теперь, вообще, нѣсколько замѣчаній. Публика нелюбуетъ, на какомъ основа и такой безусловно талантливый артистъ, какъ г. Наумовскій, заигралъ въ послѣднее время исключительно нѣмцевъ и вообще въ водевилляхъ. Г. Соловьевъ, игравшій въ прошломъ сезонѣ съ большимъ успѣхомъ врачей, гостей и лаконическихъ юристовъ, заигралъ вдругъ въ этомъ сезонѣ Милонова, князя (въ «Мужѣ вѣнчанности») и т. д. Всѣ эти роли принадлежали и принадлежатъ г. Песоцкому. Или вотъ еще, наиримѣрь, г-жа Галицкая, игравшая въ прошломъ сезонѣ «водевили безъ пѣнія», выступаетъ часто въ этомъ сезонѣ вмѣстѣ г-жи Петипа. Отсюда плохіе ансамбли и плохіе сборы.

Теперь о репертуарѣ. «Джентльмены» 3 раза въ этомъ сезонѣ и 14 разъ въ прошломъ, «Роковой шагъ». «Мужъ знаенности» и «Женитьба Вѣлугина», «Графъ-де Ризооръ» и опять онъ же, всего двѣ — три пьесы Островскаго. Изъ новыхъ — пустая пьеска Балуцаго «Рабыня», шедшая 9 октябрия, какъ говорится, съ шумомъ.

Радуетъ насъ г-жа Велизарій, выступающей въ послѣднее время очень часто и всегда играющей талантливо. Прекрасно играли въ «Талантахъ и поклонникахъ» гг. Смирновъ (Нароковъ), Наумовскій (Мигасевъ), Горбачевскій (Бакня) и Бѣжинъ (Вася); нечего говорить, что г-жа Галицкая плохо провела роль Смѣльской. Смѣльская — прямая роль г-жи Марусиной. Г-жѣ Чаруской совѣтуемъ участвовать въ водевилляхъ безъ пѣнія.

Два слова о маленькомъ труженикѣ-артистѣ. Много приходится видѣть неподдѣльнаго лакейства въ частной жизни, но на сценѣ всегда почти плохіе лакеи. Лучшихъ актеровъ на роли лакеевъ, какъ г. Собецкій, намъ что-то не приходится видѣть.

27 октября начинаются бенефисы. Первый по жребію достался г. Смирнову, который выбралъ «Горячее сердце» Островскаго, 2-й бенефисъ г-жи Велизарій «Ромео и Джульета». Г. Шуваловъ ставитъ «Макбета», а г. Петипа «Сирано-де-Бержеракъ».

Оперетка, подвизающаяся въ оперномъ театрѣ подъ управленіемъ г. Артемьева и режиссерствомъ г. Дмитриева, дѣлаетъ прекрасныя дѣла.

Минимальные сборы—800 руб. Оперетка заканчиваетъ свои спектакли въ Харьковѣ 25—27, а 1-го начинается въ Одессѣ. Въмѣсто же оперетки приѣзжаетъ опера г. Церетели изъ Кіева.

А. П. Б.

ТАГАНРОГЪ. Театральный сезонъ открылся у насъ 29-го сентября драмой «Свѣтитъ да не грѣетъ». Затѣмъ были поставлены: «Въ старые годы», «Сорванецъ», «Ніобея», «Нішій духомъ», «Муравейникъ» и «Горь отъ ума». На первыхъ двухъ спектакляхъ театръ, какъ всегда при открытіи сезона, былъ переполненъ. Послѣ полугодовой скуки и спячки, публика съ жадностью набросилась на театръ, набросилась и разочаровалась. Въ труппѣ, какъ оказалось, нѣтъ героя и героини.

Героиня Кони-Стрѣльская, безъ сомнѣнія, красивая женщина, но какъ актриса, совсѣмъ плоха. Лицо въ высшей степени невыразительно: на немъ не замѣтишь ни горя, ни отчаянія, ни гнѣва. Фразы, полныя трагизма, произносятся совсѣмъ равнодушно. Кромѣ того излишня полнота очень мѣшаетъ подвижности артистки. Герой труппы г. Панормовъ-Сокольскій, какъ видно, воспитался на захолустныхъ, провинціальныхъ сценахъ: драму играетъ «съ трескомъ». Прибавьте хриплый голосъ, неумѣнье держаться на сценѣ и едва ли интеллигентную наружность.

За то публика сразу оцѣнила несомнѣнно даровитую артистку г-жу Лодину (*ingénue dramatique*). Простота и задушевность исполненія, звонкій, чистый, свѣжій голосъ, симпатичная накуженность—сразу располагаетъ зрителя въ ея пользу.

Ingénue comique г-жа Бауэръ выступаетъ въ водевиляхъ «безъ суфлера» (о чемъ большими буквами на афишѣ извѣщается публика), слишкомъ развязная актриса съ хорошимъ голосомъ. Также неурядное впечатлѣніе производитъ г. Орловъ (простакъ). Амплуа *grande coquette* по прежнему съ успѣхомъ занимаетъ г-жа Строганова, а комиковъ—старый знакомый таганрожцевъ, г. Зубовъ. Гг. Пальминъ и Кузнецовъ Ершовъ недурные резонеры. Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ о рекламѣхъ дурного тона, къ которымъ прибѣгаютъ въ нынѣшнемъ сезонѣ г-жа Строганова. Напр. 1) Въ одинъ вечеръ двѣ пьесы! *Soirée pour rire!* Дебюты новыхъ артистовъ. 2) *Soirée gala*—торжественные спектакли въ которыхъ будутъ ставиться новинки сезона. Значѣтъ?

Зритель.

КАЛУГА. Спектакли гастроліровавшей у насъ драматической труппы окончились 27 сентября «Потонувшимъ колоколомъ». На смѣну драматической приѣхала оперная труппа подъ управленіемъ г. Унковскаго. 1 октября шла «Жизнь за Царя», но безъ обстановки и безъ балета. Правда, опера была исполнена хорошо и сборъ былъ хорошъ но впечатлѣніе получилось не полное, публика въ общемъ ожидала большаго и только тогда успокоилась, когда узнала, что костюмы, обстановка и балетъ еще не прибыли. 2 октября шла «Аида» и не дала сбора, хотя г-жа де-Маньи была прекрасной Аидой, г-жа Ботьяновская—Амнерисъ, г. Рыбаковъ—Радамесъ а Рышковъ—Амонасро. Но 4 октября «Жидовка» (де-Маньи) прошла отлично при полномъ сборѣ и прекрасномъ элеazarъ—Рыбаковъ и кардиналъ—Дементьевъ. 6 октября «Демонъ» тоже далъ полный сборъ, причемъ г. Рышковъ, еще совсѣмъ молодой артистъ, оказался хорошимъ Демономъ. Въ общемъ изъ 6 спектаклей 4 дали полные сборы.

КРЕМЕНЧУГЪ. 20 сентября послѣдовало у насъ открытіе сезона. Поставлена была пьеса «Свѣтитъ да не грѣетъ». Составъ труппы почти прошлогодній. Изъ вновь приглашенныхъ только: г-жа Коробова а. г. Мартыновъ, г-жи Алексѣева и Суворина комическія старухи и г. Гончаровъ. Прошлогодній составъ труппы отразился на сборѣ, который былъ очень плохъ. Публика холодно отнеслась къ прошлогоднимъ артистамъ и ни одного не встрѣтила аплодисментами. Пьеса прошла вяло; изъ актрисъ выдѣлилась г-жа Коробова. 23 сентября шла «Казнь» г. Ге. Пьеса имѣла извѣстный успѣхъ, исключительно благодаря игрѣ г. Мартынова, который провелъ роль Годды тепло и задушевно. Г. Мартыновъ взялъ вѣрный тонъ, сохранилъ чувство мѣры и не впалъ въ шаржъ. Вообще, г. Мартыновъ способный, много работающій и серьезно относящійся къ дѣлу артистъ, а потому искренно желаемъ ему успѣха. Къ сожалѣнію, того же нельзя сказать объ остальныхъ исполнителяхъ. Роль Кетъ совсѣмъ не подходитъ г-жѣ Южиной. Игра ея лишена теплоты: Кетъ въ ея исполненіи вышелъ слишкомъ вульгарной, и чудные монологи не производили впечатлѣнія. Хорошъ былъ г. Гончаровъ въ роли дяди Кетъ,

хотя мѣстами утрировалъ. Г. Бредовъ—Викентій былъ довольно типиченъ.

ТОМСКЪ. Въ театрѣ-циркѣ г. Горланова съ конца октября начнутся спектакли опереточной труппы В. И. Розеноера. Въ составъ труппы входятъ г-жа Калмыкова. Кроненбергъ, Райчева, Лавровская; гг. Левицкій, Шостацкий, Туманскій, Николенковъ, Тренинъ. Дирижеръ г. Герцъ. Труппа не изъ блестящихъ.

ТУЛА. Побѣда драмы надъ опереткой. Театръ «Эрмитажъ», въ которомъ играетъ оперетка пустуетъ, въ то время, какъ г. Томскій съ драматической труппой дѣлаетъ хорошіе сборы. Явленіе крайне пріятное.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 19 го октября по 2-е ноября 1898 г.

Александринскій театръ. Понедѣльникъ, 19-го октября: «Наталья Борисовна Шереметева», драма. — Среда, 21-го октября Утромъ: Въ пользу недостаточныхъ слушателей драматическихъ курсовъ при Императорскомъ с.-петербургскомъ театральномъ училищѣ. «Ревизоръ», ком. Вечеромъ: «Клеймо», пьеса. — Четвергъ, 22-го октября: «Свадьба Кречинскаго», ком. — Пятница, 23-го октября: «Дѣй судьбы», пьеса. — Воскресенье, 25-го октября: Утромъ: «Ябеда», ком. (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Безприданница», драма. — Понедѣльникъ, 26-го октября: Въ 1-й разъ: «Волшебная сказка», пьеса. — Вторникъ, 27-го октября: «Наталья Борисовна Шереметева», драма. — Среда, 28-го октября: «Клеймо», ком. — Четвергъ, 29-го октября: «Волшебная сказка», пьеса. — Пятница, 30-го октября: «Дѣй судьбы», пьеса. — Воскресенье, 1-го ноября: Утромъ: «Венеціанскій купецъ», траг. (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Правда — хорошо, а счастье лучше», ком.

Михайловскій театръ. Понедѣльникъ, 19-го октября: *Début de m-elle Fériel du théâtre du Vaudeville.* «Frou Frou», com. (1-er abonnement, spectacle № 5). — Среда 21-го октября: «Блестящая карьера», ком. — Четвергъ, 22-го октября: *Début de m-elle Fériel du théâtre du Vaudeville.* «Frou Frou», com. (2-ème abonnement, spectacle № 5). — Пятница, 23-го октября: «Блестящая карьера», ком. — Суббота, 24-го октября: *Rentrée de m-r Candé.* «Le député Seveau», com. (Abonn. suspendu). — Воскресенье, 25-го октября: «Тартюфъ», ком. — Понедѣльникъ, 26-го октября: *Rentrée de m-r Candé.* «Le député Seveau», com. (Abonn. suspendu). — Вторникъ, 27-го октября: *Rentrée de m-r Candé.* «Le député Seveau», com. (1-er abonnement, spectacle № 6). — Среда, 28-го октября: «Блестящая карьера», ком. — Четвергъ, 29-го октября: *Rentrée de m-r Candé.* «Le député Seveau», com. (2-ème abonnement, spectacle № 6). — Пятница, 30-го октября: «Блестящая карьера», ком. — Суббота, 31-го октября: «Le mari à Babettes», com. (Abonnement suspendu). — Воскресенье 1-го ноября: «Отчий домъ», драма.

Маринскій театръ. Понедѣльникъ, 19-го октября: «Корделія», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Славина, Долина; гг. Ершовъ, Яковлевъ, Серебряковъ, Стравинскій, Фрей и др.) (3-е представление 4-го абонемена). — Среда, 21-го октября: Прощальный бенефисъ г-жи А. Х. Иогансонъ. Гимнъ «Боже Царя храни!». Въ первый разъ по возобновленіи: «Дочь Фараона», балетъ (г-жи Кшесинская 2-я и Иогансонъ). — Четвергъ, 22-го октября: «Карменъ», опера (г-жи Михайлова, Слатина, Славина, Насилова; гг. Фигнеръ, Тартаковъ, Титовъ, Фрей и др.) (4-е представление 5-го абонемена). — Пятница, 23-го октября: «Корделія», опера (г-жи Куза, Каменская, Фрида; гг. Чупрыниковъ, Смирновъ, Майборода, Фрей, Бухтояровъ и др.). — Воскресенье, 25-го октября: Утромъ: «Демонъ», опера (г-жи Мравина, Насилова; гг. Чупрыниковъ, Угриновичъ, Яковлевъ, Серебряковъ, Климовъ 1-й и др.). Вечеромъ: Во 2-й разъ по возобновленіи: «Дочь Фараона», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я и Иогансонъ) (11-е представление абонемена) (Цѣны мѣстамъ возвышенныя). — Понедѣльникъ, 26-го октября: «Фра-Діаволо», опера (г-жи Михайлова, Фрида; гг. Фигнеръ, Карелинъ, Стравинскій, Фрей и др.). (4-е представление 1-го абонемена). — Вторникъ, 27-го октября: «Опричникъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Каменская, Долина; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Серебряковъ, Майборода и др.). — Среда, 28-го октября: «Раймонда», балетъ (г-жа Ленягина) (12-е представление абонемена). — Четвергъ, 29-го октября: «Опричникъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Каменская, Долина; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Серебряковъ, Майборода и др.). (5-е представление 2-го абонемена). — Пятница, 30-го октября: «Эскадрмонда», опера (г-жи Болска, Фрида; гг. Ершовъ, Карелинъ, Смирновъ, Серебряковъ Майборода и др.). — Воскресенье, 1-го ноября: Утромъ: «Ферморсъ», опера (г-жи Куза, Славина; гг. Чупрыниковъ, Тартаковъ, Бухтояровъ и др.). Вечеромъ: «Дочь Фараона», балетъ (г-жи Кшесинская 2-я и Иогансонъ), (13-е представление абонемена). (Цѣны мѣстамъ возвышенныя).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

для нѣжности и свѣжести лица.

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Цѣна за фаянсовую банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ, красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2. (г.)

ДЛЯ ПОРТРЕТОВЪ

рамки кожаныя, плюшевыя, багетныя, портфели, бумажники, портмоне и проч. изготовляю всевозможныхъ фасоновъ, а также принимаю въ починку. Заказы исполняю добросовѣстно и по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Новая Деревня. Коломяжская ул., д. № 37. Футлярный мастеръ. 1-4

ДВѢ НОВЫХЪ КНИГИ

АПОЛЛОНА КОРИНФСКАГО:

1) ТѢНИ ЖИЗНИ. Стихотворенія 1895—96 гг. Изящно отпечатанный въ атласной бумагѣ томъ in octavo (около 300 стр.), въ художественно исполненной обложкѣ. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна одинъ руб.
2) ВОЛЪНАЯ ПТИЦА и другіе разсказы 1888—1894 гг. Изящно изданный томъ in octavo, болѣе 20 печатныхъ листовъ (336 стр.). С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна одинъ руб.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ имѣются въ продажѣ другія книги А. А. КОРИНФСКАГО: 1) „Пѣсни сердца“: Стих. 1889—93 гг. (2-е изд. М. В. Клюкина). Цѣна 1 р. въ переплетѣ съ золототисненіями. 2) „Черныя розы“, Стих. 1893—95 гг. Цѣна 1 р. въ худож. обложкѣ и 3) „Наранней зорьтѣ“. Стих. для дѣтей, со многими рис. Цѣна 50 к., въ папкѣ 30 к. Изд. М. В. Клюкина, допущ. учей. Ком. Мин. Нар. Пр. Въ народ. библіот. 4) Поэма Кольриджа „Старый морякъ“, въ стихотв. перев. Аполлона Коринфскаго. съ 40 иллюстр. Густава Доре, двумя портр. Кольриджа, библ. знамен. англ. поэта и примѣч. Второе изд. (А. Ф. Югансона) in folio, на веленовой бумагѣ. Ц. 1 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ—ТРИ РУБЛЯ. 3-3

Съ разрѣш. С.П.Б. Столич. Врач. Упр.

ТИФЛИСИНЪ
НОВОЕ
СРЕДСТВО

для роженія и укрѣпленія волосъ. уничтожающее плѣшивую бактерію и перхоть. Затѣмъ вышло совершенно новое средство подъ названіемъ

„Личное молоко“

для нѣжности и бѣлизны лица, уничтожающее загаръ, веснушки и т. д. Производство и Гл. Скл. помѣщается на Пушкинской ул., д. 15, кв. 12. Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. 5-2

Продается вездѣ

СЪ РАЗР. С.П.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПР. Д.

ПУДРА ЮНОСТИ

КОСМЕТИКА В. ЛИШЕ

ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НѢЖНОСТЬ И БАРХАТИСТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛАГАЕТЪ КЪ ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

№ 195 (г.)

Коробка 75 коп. и 40 исп.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ

бывшій КОНОНОВА

съ 15-го сентября подѣ спектакли, вечера и т. п. сдается отъ администраціи дома, Мойка, 61.

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсеенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будницка и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальмерона. Ц. 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночь“ шутка Немвродона. Ц. 50 к., „Моисей“, шутка въ 1 д. В. Бенцовина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртеньева“. др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. Ц. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Mac cousin) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“. Ц. 60 к., „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р., „Волшебная сказка“ Ц. 2 р., „Маріанна Ведель“ Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“. Ц. 1 р. 50 к., „Лизистрата“ Ф. Литерпера. Ц. 1 р. 50 к., „Юность“. М. Гальбе. Ц. 1 р. 50 к., „Сирано-де-Вержеракъ“. Ф. Ростова. Ц. 1 р. 50 к., „Невдвая сила“ Ц. 60 к., „Баба“ кн. Дм. Голицына. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку ничего не платятъ. При выпискѣ пяти пьесъ дѣляется уступка въ 30%.

Дело косметическихъ произведеній

Брокера, Ралле, Водло и друг. адъиныхъ и загравиныхъ фабрикъ; также аптекарскіе, косметическіе, резиновые, перевязочные и хозяйственные предметы. Сиб. Николаевская ул., № 73.

№ 160 (г.)

Въ МИНСКѢ губ.

Въ МИНСКѢ губ.

УСТРОЙСТВО КОНЦЕРТОВЪ

принимаетъ на себя вновь открытый музыкальный магазинъ

З. Б. ПРОТАССА.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Минскъ — Протасу.

Громадный выборъ РОЯЛЕЙ, ПИАНИНО, НОТЪ и МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. № 176 (6-4).

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ ДЛЯ МОЛОДЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 2.